

Алекс Серебров

ЖАПИТАН
корабля,
которого нет

Алекс Серебров

Капитан корабля, которого нет

«Автор»

2026

Серебров А.

Капитан корабля, которого нет / А. Серебров — «Автор», 2026

Таможенная следовательница Эллина Марель привыкла доверять печатям, весовым протоколам и цепочке происхождения груза. Но однажды в порт входит «Слепой меридиан» — корабль, которого нет ни в одном реестре. В его трюме — товары из городов, погибших десятилетия назад, и ящик из дома Эллины с датой изготовления через пять лет. Капитан Ровер Вейр утверждает, что его судно ходит не во времени, а по маршрутам несостоявшихся катастроф. Кто-то научился использовать эти пути, чтобы протаскивать в настоящее оружие будущих войн, а следующей ценой станет сам порт. У Эллины есть две недели, чтобы восстановить цепочку подменённых реальностей, найти того, кто переписал маршрут, и не позволить капитану решать за неё только потому, что он видел другие варианты её будущего. Потому что вероятное будущее — не приказ. И даже любовь должна быть выбрана здесь и сейчас.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Алекс Серебров

Капитан корабля, которого нет

Глава 1

Сначала я проверила дату на сигнальной ленте, потом номер причала и только после этого посмотрела в окно дежурной комнаты. Ночь была обычной для Астера: мокрый камень блестел под фонарями, над складами висел угольный дым, а море за внешним молом лежало чёрным листом, на котором ветер время от времени проводил белые линии. Необычным был корабль у двенадцатого причала.

По реестру там не было корабля.

Причальная цепь уже звякнула трижды — судно приняло швартов, портовый механизм отметил массу корпуса и осадку, смотритель передал сигнал вверх. Всё это происходило с реальными вещами, которые имели неприятную привычку занимать место независимо от того, признаёт их бумага или нет. Но строка в ночном реестре оставалась пустой: ни имени судна, ни порта выхода, ни владельца, ни разрешения на вход. Я провела пальцем по латунной рамке строки. Холодная. Не выжженная, не испорченная, не стёртая. Просто пустая.

— Смотритель уверен в номере? — спросила я.

Дежурный писарь кивнул слишком быстро и протянул мне вторую ленту с отметкой нижнего поста. На ней были время швартовки, осадка и подпись смотрителя. Подпись я знала. Осадка выглядела правдоподобно для старого грузового трёхмачтовика. Время совпадало с ударом причальной цепи. Не совпадал только сам факт существования судна.

— Запись вносили вручную?

— Нет, госпожа следователь. Цепь дала её сама. Потом строка не открылась.

— Кто уже поднимался на борт?

— Никто. Я остановил досмотровых до вашего распоряжения.

Вот за это я любила хорошо обученных людей. Они не делали проблему меньше, зато не успевали добавить к ней ещё три. Я забрала ленты, наложила на дверцу реестра служебную пломбу и вышла к причалам.

Старшим таможенным следователем я стала пять лет назад, и за это время мне попадались суда с двойными манифестами, тройными днищами, поддельными карантинными свидетельствами и капитанами, способными клясться в невиновности, стоя по щиколотку в нелегальном шафране. Корабля, который физически стоял у причала и при этом отсутствовал в причальной строке, раньше не было. Я решила отнестись к нему как к обычной контрабанде до тех пор, пока факты не заставят меня выбрать худшее объяснение.

У трапа ждали четверо портовых стражников и двое досмотровых. За их спинами поднимался тёмный борт. Название на корме читалось даже в слабом свете: «Слепой меридиан». Буквы были вытерты солью, дерево вокруг них посерело, а железные скобы на борту покрывала ржавчина такой густоты, будто судно простояло без ухода лет двадцать. При этом канаты были свежими, паруса убраны правильно, а команда двигалась по палубе без суеты.

Первым навстречу мне вышел мужчина в тёмном морском сюртуке. Высокий, худой, с короткими тёмными волосами, в которых у виска белела соль. Не седина — именно соль. Она лежала тонкой коркой вдоль кожи и исчезала под воротником. Я остановилась на последней доске трапа.

— Старший таможенный следователь Эллина Марель. Назовите себя, должность и основание входа в порт.

Мужчина посмотрел сначала на моё удостоверение, потом на пломбир у пояса.

- Ровер Вейр. Капитан «Слепого меридиана». Основание входа — торговый прилив.
- Такого основания в нашем кодексе нет.
- В нынешнем — нет.

Ответ был слишком аккуратным, чтобы списать его на морское хамство.

- Зафиксируем иначе. Порт последнего оформления?

Ровер выдержал короткую паузу.

- В манифесте указано три порта.
- Я спросила о последнем.
- Последний порт не существует в вашем реестре.
- Это не ответ.

- Для вашего реестра — исчерпывающий.

За моей спиной кто-то из стражников тихо выдохнул. Я не обернулась. Если капитан хотел спорить о формулировках, ему не повезло: формулировки были моей работой.

- Хорошо. Вы официально отказываетесь назвать порт последнего оформления?

Ровер перевёл взгляд на меня. Вблизи было видно, что белые линии у его виска не лежат на коже, а уходят в неё тонкими трещинами.

- Нет. Я официально утверждаю, что порт последнего оформления отсутствует в действующем реестре Астера. Название дам в манифесте.

Так было лучше. Теперь у меня имелось утверждение, за которое можно было отвечать.

- Манифест.

Он протянул папку, которую держал под левой рукой. Бумага была сухой, хотя палуба блестела от мороси. На корешке стояли три грузовых номера и ни одной астерской отметки входа. Я раскрыла первый лист. На третьей строке остановилась. Печать была действительной.

Не похожей на действительную и не достаточно хорошей для ночного досмотра. Действительной. Трёхчастный оттиск совпадал по глубине, контрольный надрез лежал на нужном ребре, приливная метка не расплывалась. Я достала карманную проверочную пластину, положила угол документа и дождалась тонкой синей линии вдоль металла. Синий означал: печать когда-то была внесена в общий портовый фонд и не отозвана как подделка.

Проблема состояла в том, что город, указанный над ней, был уничтожен тридцать семь лет назад. Я перевернула страницу. Второй груз шёл из другого города, которого не существовало уже два десятилетия. Третья печать относилась к порту, закрытому после каменного обвала ещё до моего рождения.

- Кто оформлял груз? — спросила я.
- Принимающие службы на местах.
- Имена.
- В приложении.

Я нашла приложение. Имена были. Должности тоже. Всё составлено так, как составляли документы люди, уверенные, что утром их проверит другой чиновник и обязательно найдёт ошибку. Даже единицы веса были пересчитаны под астерский стандарт. Поддельщик обычно старался убедить. Эти бумаги просто существовали.

- Досмотр полного трюма, — сказала я. — До окончания судно задержано. Команда остаётся на борту. Любое перемещение груза — только в моём присутствии.

Один из стражников шагнул к бронзовому колоколу у грот-мачты. Ровер оказался между ним и колоколом раньше, чем я успела закончить распоряжение. Он не схватился за оружие и не повысил голос, но движение получилось настолько точным, что стражник остановился сам.

- Колокол не трогать.
- Капитан, — сказала я, — на задержанном судне порядок досмотра определяю я.
- Он повернул голову ко мне.
- Тогда определите его так, чтобы ваш человек не снимал колокол с крепления.

— Причина?

— Он связан с безопасностью судна.

— Технически или магически?

На этот раз пауза была длиннее.

— Оба ответа верны.

Я отметила это про себя, но не стала выяснять на палубе. Снимать предмет, функция которого неизвестна, до описи действительно было плохой процедурой. Иногда закон совпадал со здравым смыслом, и в такие минуты я старалась не пугать его излишней благодарностью.

— До отдельного распоряжения колокол остаётся на месте. Стража фиксирует доступ. Капитан, ведите к грузу.

Ровер не поблагодарил. Только отступил, освобождая проход. В трюм мы спускались в порядке, который я назвала вслух: сначала я и один досмотровый, затем капитан, потом второй досмотровый и стражник. Остальные оставались наверху. Мне нужно было точно знать, кто мог коснуться груза после начала официального осмотра.

Внизу пахло мокрой древесиной, железом и солью. Не обычной морской солью, которая въедается в канаты и одежду, а сухой, резкой, словно кто-то рассыпал её по старой ране. На переборках проступали белые жилки. В одном месте они пересекали свежую смоляную заплату, и смола вокруг них уже потрескалась. Я подняла фонарь.

— Когда ремонтировали?

— Шесть дней назад.

— Кто?

— Наш плотник.

— Запись есть?

— В судовом журнале.

Я кивнула досмотровому, чтобы отметил место. Шесть дней не превращали свежую смолу в старую. Пока это было только физическим следом, а не объяснением. Груз стоял рядами, каждый ящик имел номер, массу, отправителя и пломбу. Я выбрала три номера из разных частей манифеста, не позволяя капитану предлагать удобные. Первый ящик досмотровые поставили на переносные весы.

— Заявлено двести восемь портовых фунтов, — прочитала я.

Стрелка остановилась на двухстах восьми с четвертью. Допуск для дерева и сырости был больше. Второй ящик дал расхождение меньше половины фунта. Третий совпал почти точно. Пломбы соответствовали документам. Верёвочные узлы не перевязывали после оттиска. На гвоздях не было следов повторного вскрытия.

Если это была контрабанда, кто-то проделал огромную работу ради того, чтобы подделать не только документы, но и историю вещей. Я выбрала ящик с первой, самой старой городской печатью.

— Вскрываем.

Ровер посмотрел на номер.

— Лучше другой.

Это была первая фраза за весь осмотр, в которой он попытался повлиять на мой выбор прямо.

— Причина?

— Этот груз не опасен.

— Тогда вы не должны возражать против проверки.

— Я возражаю не против проверки.

Он остановился. Я ждала.

— Закончите формулировку, капитан.

Белая трещина у его виска стала заметнее, когда он сжал челюсть.

— Я возражаю против того, чтобы вы открывали этот ящик до наложения карантинного контура.

Теперь у предупреждения появился предмет.

— На каком основании?

— На основании того, что содержимое связано с вами.

Досмотровый рядом со мной перестал записывать. Я посмотрела на номер ящика. Обычный грузовой шифр. Чужой город. Масса сто сорок три фунта. Ничего, что могло относиться ко мне.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Вы представились на палубе.

— Не имя. Связь груза со мной.

Ровер молчал достаточно долго, чтобы ответ перестал быть случайной оговоркой.

— Я видел этот ящик раньше.

— Где?

— Не здесь.

— Это снова не ответ.

— Другого сейчас не дам.

Я могла приказать отвести его наверх и вскрыть ящик без него. Могла задержать весь груз до утра и вызвать архивную комиссию. Оба варианта сохраняли процедуру, но отдавали неизвестный предмет в обычный канал, а капитан явно пытался этого не допустить. Если он лгал, карантин ничего ему не давал. Если не лгал, я предпочитала узнать цену его предупреждения до того, как её заплатит кто-нибудь другой. Я сняла с пояса нулевой пломбир.

— Тогда порядок меняется. Спорный трюм переходит под мою личную ответственность. Никто не входит и не выходит без моей отметки. После пломбы вскрываем ящик. Возражения?

— Нет, — сказал Ровер.

Я прижала нулевую матрицу к контрольной скобе у двери трюма. Металл сначала был холодным, потом ледяным. Белая линия пробежала от матрицы по скобе, ушла в петли, по доскам и дальше между штабелями. У меня свело пальцы. На языке появился привкус соли. Контур замкнулся.

На матрице проступили моё имя, должность и масса принятого под карантин груза. Цифры менялись ещё несколько секунд, пока система считала весь трюм, затем остановились. Я проверила их дважды и поставила время.

— Зафиксировано. Теперь вскрываем.

Досмотровый перерезал внешний шнур. Я сама сняла печать, положила её в доказательственный конверт и подписала место изъятия. Крышка поддавалась не сразу. Когда гвозди вышли из влажного дерева, запах в трюме изменился.

Не море.

Сухая лаванда и воск. Я знала этот запах. В ящике лежали домашние вещи: два свёртка льняного полотна, жестяная банка с чаем, набор керамических чашек, латунная дверная ручка, сложенная скатерть. Ничего дорогого. Ничего запрещённого. Именно поэтому мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что я смотрю не на случайный набор. На жестяной банке была вмятина у нижнего края.

Такую банку я держала дома на верхней полке кухни. Вмятину оставила сама прошлой зимой, когда уронила её на каменный пол и решила не покупать новую из принципа, который в тот день назывался бережливостью, а в другие дни — упрямством. Я не потянулась к ней.

— Никому не касаться содержимого.

Голос прозвучал ровно. Хорошо. Ровный голос был полезен, когда собственная кухня внезапно становилась уликой. На верхнем свёртке лежала инвентарная бирка. Получатель: дом

Марель. Адрес был мой. Я прочитала строку дважды, затем дату упаковки. День и месяц совпадали с текущими. Год — нет.

Он был на пять лет позже.

Досмотровый тихо выругался и тут же извинился. Я даже не посмотрела в его сторону. На одной из чашек стоял знак мастерской и дата изготовления — тот же будущий год. Я подняла глаза на Ровера. Он не приблизился к ящику. Стоял за границей, которую я провела, руки держал на виду. Его взгляд был направлен не на вещи, а на меня. Я не могла знать, чего он ждал. Похоже, ждал решения.

— Вы знали, что здесь мой адрес.

— Да.

— Источник знания.

— Я видел ящик во время перехода.

Слово ничего не объясняло и не обязано было объяснять сейчас.

— Что вы называете переходом?

— Не тот разговор, который стоит начинать, пока ваш протокол считает этот груз обычным.

— Мой протокол уже не считает его обычным.

— Тогда проверьте приёмную бирку.

Он сказал это без нажима. Я всё равно не двинулась сразу.

— Почему именно её?

— Потому что вы ищите происхождение. А проблема не только в том, откуда этот ящик пришёл. Проблема в том, кто его здесь принял.

Вот это уже можно было проверить. Я взяла щипцы, поддела внутреннюю бирку под крышкой и развернула её так, чтобы не касаться пальцами. Сначала увидела грузовой номер. Потом массу. Потом строку приёма.

Печать была моей.

Не просто имя «Эллина Марель», которое можно переписать с любого служебного документа. Мой личный пятизубый оттиск с коротким сколом на третьем луче. Скол появился два года назад, когда пломбир упал на каменную лестницу Высокого реестра. Матрицу разрешили оставить в работе, потому что повреждение стало дополнительным признаком подлинности. Я машинально коснулась пломбира у пояса. Он был там.

— Проверочную пластину, — сказала я.

Досмотровый передал её молча. Я приложила бирку. Синяя линия вспыхнула сразу. Действительная печать. Под ней стояло время принятия груза. Я сверилась с сигнальной лентой, лежавшей во внутреннем кармане. Корабль причалил сорок семь минут назад. Меня вызвали через шесть минут после швартовки. Моя печать приняла этот ящик за час и девятнадцать минут до того, как «Слепой меридиан» вошёл в порт. Я посмотрела на Ровера.

— С этого момента вы задержаны лично мной. Судно остаётся под нулевой пломбой. Никто не трогает колокол, груз или журнал без моего разрешения. Утром вы дадите показания под записью и назовёте каждый источник своих утверждений.

Он чуть наклонил голову.

— Утром может быть поздно.

— Тогда начинайте с проверяемого факта.

На этот раз он ответил сразу:

— Проверьте время своей печати ещё раз. Потом сравните его с приливом.

Я уже сравнивала. Именно поэтому холод от нулевого оттиска перестал казаться самой неприятной вещью в трюме. На товарной бирке стояла дата через пять лет. На приёмной — моё имя и время, когда меня здесь ещё не было.

Глава 2

До рассвета оставалось меньше двух часов, и порт начинал пахнуть не ночью, а работой. С дальних причалов доносился грохот первых тележек, в караульных будках менялись смены, над водой стелился дым от разогреваемых котлов. В комнате для предварительных показаний было холоднее, чем в трюме «Слепого меридиана», зато здесь имелись стол, две двери, журнал входов и решётка на окне. После увиденного я особенно ценила предметы, назначение которых не менялось от прилива.

Ровер сидел напротив меня без наручников. Я не разрешила их надеть не из доверия, а потому, что задержание по таможенной линии требовало основания для каждого ограничения. Основание для удержания у меня было. Основания считать капитана вооружённым беглецом — пока нет.

На столе лежали три вещи: копия манифеста, бирка из моего будущего ящика и сигнальная лента с временем входа судна. Сам ящик я оставила в спорном трюме под нулевой пломбой и двумя караульными. Моя печать на бирке никуда от этого не делась.

— Начнём ещё раз, — сказала я. — Вы утверждаете, что видели этот ящик до его прибытия в Астер. Где именно?

— На маршруте.

— Я уже слышала это слово. Мне нужен источник, который можно проверить без веры в вас.

Ровер посмотрел на бирку. Он выглядел хуже, чем час назад: соль у виска стала плотнее, а под глазами проступила тень. Я не знала, было ли это усталостью, болезнью или ценой той самой навигации, о которой он пока предпочитал говорить существительными вместо объяснений.

— В трюме есть груз из Леванского стекольного квартала, — сказал он. — Партия сорок восемь. На двух ящиках серая печать с трещиной по нижнему кольцу.

Я открыла манифест. Партия сорок восемь числилась под другим городом, разрушенным двадцать два года назад, и содержала медицинское стекло. Серой печати в описании не было.

— Это можно увидеть на судне. Не годится.

— Тогда снимите с одного ящика внешний шнур и проверьте внутреннюю пломбу.

— Что я должна найти?

— Красный оттиск карантинной службы Левана.

Я отметила формулировку и время. Если он угадывал, то с очень странным вкусом к деталям. Если знал — хотелось понять откуда. В дверь постучали один раз и сразу открыли. Дежурный писарь принёс свёрнутый приказ с красной нитью Высокого реестра.

— Госпожа Марель. Срочно.

Я развернула лист. Распоряжение было коротким: задержанного Ровера Вейра передать портовому маршалу для содержания в городской тюрьме до выяснения личности судна. Спорный груз оставить на причале под стандартным арестом. Подпись заместителя ночного регистратора, сверху — разрешительная отметка канцелярии Верховного регистратора. По форме всё было правильно. По содержанию — слишком быстро.

— Когда пришло?

— Пять минут назад.

Пять минут означали, что распоряжение начали готовить ещё до появления новой раны и до моего запроса по календарю. Это могло быть обычной скоростью ночной канцелярии. Могло — поэтому я не делала из времени вывод, только меняла следующий вопрос.

— Кто принёс?

— Курьер Реестра. Я записал номер.

Вот поэтому я не любила нарушать процедуру. Процедура оставляла следы даже тогда, когда люди предпочитали не оставлять объяснений. Я поставила приказ рядом с биркой.

— Капитан, ваше содержание меняют. До передачи у меня есть право закончить начатое действие. У вас есть один проверяемый факт.

Он перевёл взгляд на красную нить приказа и на этот вопрос не ответил сразу. С коридора донёсся быстрый топот. Затем кто-то ударил ладонью по двери.

— Следователь! Хирург с корабля требует вас. Матросу плохо.

Ровер поднялся так резко, что ножки стула скребнули по камню.

— Сядьте.

Он остановился. Не сел.

— Если это связано с вашим утверждением, скажите сейчас.

— Связано с переходом.

— Что именно?

— Рана.

Я выдержала паузу. Передо мной стоял задержанный, который уже дважды пытался дозировать сведения. За дверью мог умирать человек. Хороший способ заставить следователя действовать без достаточного основания — предоставить ей настоящую кровь.

— Кто видел состояние матроса до вашего входа в порт?

— Ивен Карр, наш хирург. Весь прошлый рейс.

Имя и роль были лучше очередного рассказа о маршрутах. Свидетеля можно отделить от капитана, показания — сравнить, медицинский журнал — изъять. Я перестала спорить с объяснением и перешла к проверяемому каналу.

— Он даст показания отдельно?

— Если вы не дадите человеку истечь кровью раньше.

Это прозвучало грубо, но не было лишним. Я закрыла журнал допроса.

— Вы идёте со мной под конвоем. Не разговариваете с командой без моего разрешения. Любая попытка изменить груз, журнал или показания прекращает ваш таможенный статус и передаёт вас маршалу. Вы поняли условия?

— Да.

В трюме нас встретил запах крови поверх соли. Матрос лежал на сложенном парусе между ящиками, рубаха на боку была разрезана. Рядом на коленях стоял мужчина лет сорока пяти с серыми волосами, собранными на затылке, и держал ткань у раны. Он представился Ивеном Карром, корабельным хирургом, прежде чем я успела спросить.

— Уберите капитана на два шага, — сказал он мне вместо приветствия. — И фонарь ближе.

Мне понравилось, что в собственной работе он тоже не тратил время на чужие титулы. Я велела стражнику отвести Ровера к переборке и присела рядом с Ивеном. Рана выглядела неправильно. Кожа вокруг неё была бледной, края — уже затянувшимися и тёмными, будто осколок вошёл несколько недель назад. Но из глубины шла свежая кровь. На ткани лежал маленький кусок металла с зазубренным краем.

— Когда получил? — спросила я.

— Три дня назад, — ответил Ивен.

— Где?

Он не отвёл глаз.

— Не в этом Астере.

— Формулировка для протокола плохая. Попробуйте ещё раз.

Ивен прижал чистую ткань сильнее. Матрос застонал.

— Во время перехода в ветвь, которую капитан называл промышленным Астером. Там был взрыв на складе. Осколок вошёл в бок. Я удалил два крупных куска и зашил. Этот остался глубже, я решил не лезть без условий.

Я посмотрела на Ровера. Он стоял у переборки и молчал. Мне хотелось спросить, что такое «промышленный Астер», но сначала у меня был предмет. Я взяла щипцы из набора Ивена и подняла осколок. На одной стороне под кровью проступали две выбитые цифры и половина грузового клейма.

— Вода.

Ивен подал чашку. Я промыла металл над пустым лотком. Клеймо стало видно лучше: корона с разрывом в правом луче и номер партии. Я знала этот знак. Не потому, что видела оружие. Потому что каждое утро через мой отдел проходили предварительные грузовые сведения на следующий день, чтобы досмотр не начинался с удивления. Корона с разрывом принадлежала металлургам Восточного мола. Их очередная партия листовой стали должна была войти в порт после восхода.

— Номер двадцать семь? — спросила я.

— Похоже, — сказал Ивен.

Я вытерла металл и проверила снова. Двадцать семь. Одного номера было мало. Я попросила у писаря описать приёмных клейм Восточного мола и сравнила форму разрыва в короне. Совпадение оказалось не общим, а производственным: на правом луче матрицы имелась маленькая вмятина, отмеченная в заявке как допустимый дефект текущей плавки. Затем я сверила толщину листа по излому. Для полной экспертизы требовалась мастерская, но осколок по меньшей мере соответствовал тому металлу, который порт ожидал после рассвета.

— Кто имел доступ к партии до отправки? — спросила я у писаря.

— Завод, весовой двор и команда баржи. По заявке баржа ещё за внешним рейдом.

Я велела немедленно передать на внешний пост запрет вскрывать груз до моего осмотра и отдельно записать время передачи сообщения. Если металл уже существовал в нашем настоящем на заводе, это не делало осколок невозможным само по себе. Невозможным оставалось другое: трёхдневная рана, полученная, по словам свидетелей, при взрыве партии, которая ещё не вошла в порт. Значит, проверять следовало не «будущее», а цепочку происхождения конкретного металла.

— Эта партия ещё не в Астере.

Ровер слегка повернул голову.

— В вашем Астере — нет.

— Не помогайте мне словами, которые нельзя проверить.

Я попросила писаря принести входной план грузов. Через несколько минут у меня перед глазами лежала заявка Восточного мола: партия двадцать семь, вес четырнадцать тонн, прибытие с утренним караваном. Клеймо совпадало. Даже номер плавки был указан тот же. Матрос тем временем перестал стонать. Ивен наложил новую повязку и только после этого позволил мне осмотреть старый шов. Стежки действительно были трёхдневными. Кожа — нет. Вокруг нитей лежало заживление, на которое обычно требовались недели.

— Переход старит рану? — спросила я.

— Иногда рану, иногда металл, иногда дерево, — ответил Ивен. — Иногда человек возвращается с повреждением от события, которое здесь ещё не произошло. Это не значит, что оно произойдёт здесь.

Последнюю фразу он произнёс слишком уверенно, чтобы я не уточнила.

— Откуда вы знаете?

— Потому что часть таких событий мы уже не допустили. А шрамы остались.

Вот это было показанием. Не красивым, зато проверяемым по журналу рейсов, если он существовал. Я записала всё: состояние раны, номер партии, время её официального ожида-

емого прибытия, состояние шва, имя хирурга. Потом велела изъять осколок как отдельное доказательство и запечатала его своей обычной следственной печатью. Нулевую для такого веса применять было бы глупо и, после ночи, ещё и неприятно личным образом. Ровер ждал у переборки.

— Теперь говорите о дедлайне.

Он посмотрел на Ивена. Тот едва заметно покачал головой, словно не хотел участвовать в этом разговоре. Я отметила жест только как жест.

— Через четырнадцать дней будет мёртвый прилив, — сказал Ровер. — Если до него линии не разорвать, Астер можно закрепить целиком.

— Кто называет его мёртвым?

— Старые навигаторы. Старые регистраторы. Люди, которые пережили прошлый.

— Когда был прошлый?

— Семнадцать лет назад.

Я знала приливный календарь лучше большинства моряков, потому что таможня призывала к нему окно тяжёлых грузов. Но слова «мёртвый прилив» в открытых таблицах не было. Мы вернулись в дежурную комнату. Я достала из шкафа старый календарный сборник и нашла таблицу семнадцатилетнего цикла. На четырнадцатый день от нынешнего стоял чёрный пустой квадрат без названия. Такой же — семнадцать лет назад.

Под таблицей мелким шрифтом было указано: «регистрационные операции с неустановленным происхождением приостанавливаются до особого распоряжения». Я перечитала строку дважды. Ровер не мог подделать книгу, стоявшую в таможенном шкафу много лет. Он мог знать о ней заранее. Это всё ещё не делало его честным, но переносило дело из области хорошей постановки в область системы, которую кто-то очень долго считал достаточно закрытой. К двери подошёл старший стражник.

— Госпожа Марель, по распоряжению Реестра задержанного нужно передать сейчас.

Я посмотрела на приказ, затем на изъятый осколок и календарь. Если я исполню распоряжение, Ровер уйдёт в городскую тюрьму, груз — под стандартный арест, а дело разобьют между тремя ведомствами. Формально правильно. Практически это означало потерю единственного свидетеля, который уже дал мне два проверяемых факта. Я перевернула приказ и написала на обороте отказ от исполнения до окончания специальной таможенной проверки. Стражник прочитал первые строки и заметно побледнел.

— Это распоряжение сверху.

— Поэтому мой отказ тоже идёт вверх. Внесите время. Основание: новая вещественная улика, связанная с неидентифицированным происхождением груза, и риск разрыва цепочки доказательств. Ровер Вейр остаётся под моей юрисдикцией до отдельного решения Верховного регистратора либо портового суда.

— Вы уверены?

Я поставила подпись.

— Теперь да.

Ровер ничего не сказал. Хорошо. Если бы он поблагодарил, мне пришлось бы напомнить, что я только что оставила его задержанным. Я потребовала журнал ночных перемещений, чтобы внести отказ и проверить, кто уже имел доступ к капитану. Писарь принёс тяжёлую книгу и открыл текущую страницу.

Первая строка была моей: принятие судна под спорный досмотр в два сорок семь. Ниже — вызов хирурга. Ещё ниже — распоряжение о передаче. Следующая запись заставила меня остановить палец над бумагой. «Ровер Вейр. Освобождён из-под задержания старшим следователем Эллиной Марель». Под записью стояла моя подпись.

Не печатное имя. Подпись — с привычным слишком длинным последним штрихом, который я десять лет пыталась сделать короче и не сделала. Время освобождения было указано

через сорок три минуты. Я проверила часы на стене, затем карманные. Оба показывали одно и то же.

— Кто внёс эту строку? — спросила я.

Писарь подошёл ближе. Лицо у него изменилось раньше, чем он ответил.

— Её не было, когда я приносил журнал после швартовки.

— Кто открывал книгу?

— Я. Вы. Старший стражник. Больше никто.

Я коснулась края записи. Чернила были сухими. Ровер стоял по другую сторону стола. Я не знала, видел ли он такую строку раньше и что она для него значила. Зато знала другое. Кто-то уже оформил решение, которого я не принимала. И на этот раз вещь из невозможного маршрута лежала не в трюме. Она находилась в моём журнале.

Глава 3

К восьми утра Высокий реестр уже работал полным составом, и это делало происходящее почти оскорбительным. По широким лестницам несли книги, служащие спорили о тарифах, у входных рам звенели контрольные пластины. Город жил так, будто ночью в его порту не появился корабль без строки, а моя подпись не успела освободить задержанного раньше меня самой.

Я пришла с двумя стражниками, журналом ночных перемещений и запечатанным конвертом с металлическим осколком. Ровер остался в карантинной комнате у причала под моей ответственностью. Будущий ящик тоже должен был оставаться там. Последнее слово я проверила лично перед отъездом.

Сорен Таль принял меня в кабинете без ожидания. Он был Верховным регистратором Астера, моим бывшим наставником и единственным человеком, который ещё десять лет назад научил меня сначала искать полномочие, а потом виновного. В обычное утро это было бы преимуществом. В нынешнее — обстоятельством, которое я собиралась учитывать отдельно. На его столе уже лежала копия моего ночного отказа.

— Ты не спала, — сказал он.

— Это не относится к делу.

— Относится, если ты собираешься обвинить реестр в подделке собственной подписи.

Он говорил спокойно и не пытался давить должностью сразу. Именно поэтому его было трудно спорить: Сорен редко требовал веры там, где мог предложить разумное объяснение. Я положила перед ним журнал.

— Запись появилась после открытия книги. Время ещё не наступило. Подпись моя по форме, но я её не ставила.

Он надел тонкие очки, осмотрел страницу, затем контрольную нить в корешке. Не торопился.

— Книга не вскрыта.

— Я знаю.

Он начал с физических признаков, а не с моей ночной версии событий. Это было правильно и потому действовало на меня лучше любого приказа. Я заставила себя не воспринимать разумность метода как доказательство разумности вывода.

— Чернила реестровые.

— Знаю.

— Тогда у нас три варианта: вмешательство в саму запись, ошибка приливного слоя или подмена твоего удостоверения. Последнее проще всего проверить.

Я протянула ему пломбир. Сорен приложил его к проверочной пластине, сверил зубцы и вернул.

— Настоящий.

— Он всю ночь был при мне.

— Значит, не начинай с заговора, когда у тебя есть аномалия записи.

Фраза была похожа на совет, который он давал мне десятки раз. Не объявлять преступлением то, что пока можно объяснить системой. Я сама учила этому младших следователей.

— Аномалия записи уже приняла груз моей печатью до моего появления и освободила задержанного до моего решения.

Сорен поднял на меня взгляд.

— Поэтому я предлагаю закрыть ночную строку как повреждённую и передать капитана маршалу. До выяснения. Твой нулевой оттиск останется на грузе, цепочка сохранится.

— Ящик остаётся на причале?

— Разумеется.

— Тогда сначала я получу служебную копию всех строк, связанных с моей печатью за последние сутки.

Пауза была короткой, но я её заметила.

— Эллина, — сказал он уже не как Верховный регистратор. — Служебные слои сейчас могут быть заражены тем же сбоем. Ты получишь копию после очистки.

— После очистки я получу то, что пережило очистку. Мне нужна версия до неё.

Он снял очки.

— Ты не доверяешь процедуре, которой пользуешься всю жизнь?

— Я доверяю следу. Сейчас след исчезает быстрее, чем я успеваю его оформить.

Сорен откинулся в кресле. Мне показалось, его раздражение стало сильнее, но это была только моя оценка по тому, как он сложил очки слишком точно по краю папки.

— Я не дам тебе доступ к нижнему приливному слою без комиссии. Ты это знаешь.

— Тогда оформите отказ письменно.

Он посмотрел на меня ещё несколько секунд и вызвал секретаря. Вот за это я когда-то его уважала особенно. Даже отказывая, он оставлял документ. Пока секретарь готовил форму, я спустилась в аналитический зал к Тессе Квилл. Мы работали вместе семь лет, и за это время она успела доказать две вещи: подделать печать труднее, чем кажется, а заставить Тессу не заметить плохую подделку — почти невозможно. Она подняла голову от пластины.

— Ты выглядишь так, будто ночью нашла налоговую льготу для контрабандистов.

— Хуже. Нашла собственную подпись.

Я достала из внутреннего кармана не оригинал будущей бирки, а снятый ночью восковой отпечаток. Оригинал по правилам оставался с грузом.

— Скажи только одно: мог ли этот оттиск быть сделан копией моего пломбира?

Тесса потянулась к нему, но я не отпустила сразу.

— Вне служебного задания. Пока без записи в общем журнале.

Её брови поднялись.

— Ты просишь меня нарушить порядок?

— Прошу отложить регистрацию проверки до моего письменного разрешения. Если откажешься, я заберу отпечаток.

Тесса посмотрела на меня уже без шутки.

— Что ты мне не говоришь?

— Всё, что пока не нужно для проверки печати.

Она помолчала, затем протянула ладонь.

— Дай.

Я передала отпечаток. Это было первое сознательное действие за утро, которое я не собиралась заносить в общий канал сразу. Неприятное ощущение оказалось удивительно физическим — будто я не нарушила регламент, а переступила через низкую цепь и теперь ждала, когда кто-нибудь окликнет.

— Мне нужен час, — сказала Тесса. — И настоящий контрольный оттиск от тебя.

Я оставила его на чистой пластине. Тесса не отпустила меня сразу. Она подвинула к себе лампу с боковым светом и провела иглой вдоль края воска.

— Смотри сюда. Третий зуб у тебя сколот не только по вершине. После падения на матrice появился микроскопический заворот внутрь. На обычной копии его снимают как углубление, а при живом ударе он даёт двойной край. Здесь двойной.

Я наклонилась. Без её указания увидела бы только неровность.

— То есть били моим пломбиром.

— Или предметом, который физически повторяет его повреждение в трёх измерениях. Это уже задача для людей, которым скучно жить.

Шутка не изменила результата: обычную копию можно было исключить. Я записала это отдельно, чтобы не дать следующему вопросу превратить предположение в установленный факт.

— Возраст воска?

— Бумага свежая. Воск тоже. А приливная деформация старая.

— Определи «старая».

Тесса недовольно повела плечом.

— Не заставляй меня ставить число там, где прибор даёт диапазон. Больше нескольких месяцев, меньше десятилетия. Я напишу точнее после второй пластины.

Это была именно та причина, по которой я пришла к ней. Тесса не любила эффектных ответов сильнее, чем неправильных.

— Никаких предположений о происхождении, — сказала я. — Только то, что доказывает оттиск.

— Тогда пока доказывает одно: если кто-то подделывал твою подпись, он не снимал её обычной копией.

Я забрала только эту формулировку. Всё остальное оставила до проверки. Вернувшись наверх, я получила письменный отказ Сорена в доступе к нижнему слою. Формулировка была безупречной: «до установления отсутствия системного заражения». Ответственность — его. Источник решения — тоже. Я могла ждать комиссию.

Вместо этого пошла в зал суточных сверок, где хранились зеркальные ленты верхнего слоя до полуденной очистки. Доступ туда у меня был по должности, но копировать служебные строки без разрешения Верховного регистратора запрещалось. Разница между «увидеть» и «унести» иногда составляла один поворот ключа. Дежурная пластина приняла моё удостоверение. Я нашла свой номер печати и вывела все связанные операции.

Первая строка — спорный трюм. Вторая — будущий ящик. Третья — освобождение Ровера. Четвёртая не помещалась на обычной ширине ленты. Я увеличила запись. Объект: портовая территория Астер. Категория: совокупный груз. Владелец: не установлен. Принимающая сторона: двойная подпись, одна из них моя. Вторая была закрыта уровнем доступа Верховного реестра. Статус: утрата при мёртвом приливе.

Масса стояла такая, какую никто не мог внести вручную в обычный грузовой журнал: не тоннаж склада и не водоизмещение флота, а сводный расчёт по причалам, зданиям, складам и зарегистрированному движимому имуществу. Отдельной строкой шёл «живой состав — вне грузовой стабилизации». Формулировка не успокаивала. Запись была составлена так, чтобы обойти предел, за который реестр не должен был заходить.

Я открыла журнал обращений к строке. Обычный документ показывал бы автора, основание доступа и время каждого изменения. Здесь вместо имени стоял служебный код нижнего приливного хранилища. Последнее изменение было сделано месяц назад. Ещё одна отметка — сегодняшней ночью, за двенадцать минут до входа «Слепого меридиана» в порт.

Я попробовала раскрыть вторую подпись. Система потребовала полномочия Верховного регистратора. Попытка осталась в журнале доступа — теперь уже с моим именем. Хорошо. Если кто-то позже станет утверждать, что я не находила эту строку, у него будет дополнительная работа по очистке.

Я сверила массу с открытым имущественным сводом Астера. Расхождение было меньше одной десятой процента — слишком мало для случайного числа и слишком велико, чтобы его дал один склад. Кто-то считал город заранее. Не метафорой, не приблизительным жестом, а той же скучной арифметикой, которой мы принимали зерно, железо и корабельный лес. Я прочитала строку ещё раз, потому что профессиональная привычка иногда полезнее паники.

Город был записан как груз. Не разрушенный. Не эвакуированный. Утраченный. Я вынула из кармана тонкую копировальную пластину. Снять служебную строку без разрешения

означало нарушение, за которое меня могли отстранить в тот же день. Я положила пластину на ленту. Система едва слышно щёлкнула.

Копия проступила серым. Я проверила, перенеслись ли дата, масса, статус и закрытая вторая подпись. Последняя осталась закрытой и на копии, зато рядом сохранился код уровня доступа. Этого было достаточно: я не знала имени второго подписанта, но могла доказать, что он существовал в записи и что его личность скрывал именно верхний уровень Реестра, а не повреждение бумаги.

Я поставила на обороте собственную отметку времени без служебной печати. Не для силы документа — для цепочки. Если пластину у меня отнимут, хотя бы станет ясно, когда я её сняла и при каких полномочиях находилась в зале. С этого момента нарушение перестало быть намерением.

За дверью послышались шаги. Я успела спрятать пластину под обложку записной книжки прежде, чем вошёл один из помощников Сорена.

— Госпожа Марель, Верховный регистратор просит вас вернуться в кабинет. Поступило сообщение с причала.

По дороге вниз я наконец подумала не о строке, а о ящике.

— Что случилось?

— Склад карантина сообщает о нарушении массы.

Я ускорила шаг. Сорен ждал у входа уже в пальто.

— Поехали вместе, — сказал он. — Если твоя пломба повреждена, я сам зафиксирую.

На причале нулевая скоба была цела. Караульные стояли у двери спорного трюма, бледные и злые. Они клялись, что никто не входил. Журнал присутствия подтверждал: два человека с момента моего ухода, оба на месте. Я проверила пломбу. Моё имя, время, общая масса — всё сохранилось. Но масса уменьшилась на сто сорок три фунта. Ровно столько весил мой будущий ящик.

Я открыла трюм в присутствии Сорена, двух караульных и писаря. Место, где стоял ящик, было пустым. Не было ни сорванного шнура, ни следа переноски между рядами, ни повреждения пола. Только прямоугольник сухих досок внутри влажного трюма и тонкая белая соль по краям, будто предмет простоял здесь годы и его сняли минуту назад. Я присела и провела щипцами по соли.

— Никому не наступать сюда.

Сорен остановился за моей спиной.

— Элина, если предмет нестабилен, он мог уйти вместе с приливным слоем. Это подтверждает системную ошибку, а не кражу.

Я поднялась.

— Ошибка не должна менять массу под действующей нулевой пломбой без записи действия.

— Мы не знаем, что она должна. Поэтому и нужна комиссия.

— Тогда комиссия получит физический след исчезновения и неизменённую скобу.

Я велела писарю снять массу, соляной контур и показания караульных. Сорен не препятствовал. Он выглядел человеком, который считает меня упрямой, но пока не опасной. Возможно, именно так и было. Через полчаса Тесса нашла меня в коридоре склада. Она не подошла близко. Просто прошла мимо и уронила рядом со мной свёрнутый лист, будто не удержала бумагу из папки.

Я подняла его позже, за углом. На листе было три строки. «Оттиск не копирован. Геометрия совпадает с живым ударом твоего пломбира». Ниже: «Есть вторичная приливная деформация, возраст следа больше бумаги». И третья: «Если это подделка, подделывали не печать». Я спрятала записку.

Тесса знала только о проблеме оттиска. Не о корабле, не о мёртвом приливе, не о строке всего города. Так было безопаснее для неё и полезнее для проверки. Сорен ждал меня у трапа.

— Я назначаю комиссию на полдень, — сказал он. — До этого капитана передадут маршалу. Ты отстранена от самостоятельных действий по спорному грузу на четыре часа. Не как наказание. Как мера против заражённого канала.

— Оформите.

— Уже.

Он протянул лист. Я взяла его и поставила время получения. Формально он делал именно то, что должен был делать руководитель при неизвестной аномалии. Я не могла обвинить его за это. Но под подкладкой моей записной книжки лежала тайная копия строки, которую он отказался отдавать до очистки. В ней Астер уже имел статус будущей потери. И моя подпись была частью приёмки.

Глава 4

К полудню Ровера решили перевести в городскую тюрьму второй раз, и на этот раз распоряжение сопровождалось шестью стражниками, закрытым фургоном и таким количеством подписей, будто бумага могла заменить здравый смысл. Я всё ещё числилась временно отстранённой от самостоятельных действий по грузу, но задержанного ночью приняла под свою ответственность, поэтому должна была присутствовать при передаче. Этого права Сорен у меня не забрал. Возможно, считал формальностью. Я тоже часто недооценивала формальности, когда они принадлежали другим людям.

Ровер стоял у карантинной комнаты в своём тёмном сюртуке. Ивен проверял у него пульс, прижав два пальца к запястью. Соль у виска стала белее, чем ночью, и тонкая линия уходила под воротник.

— Состояние позволяет перевозку? — спросила я.

Ивен убрал руку.

— По прямой дороге к городской тюрьме — нет.

Старший конвоя усмехнулся.

— Полмили по мостовой убьют морского капитана?

— Если за это время он выйдет из звуковой линии судового колокола — возможно.

Я повернулась к Роверу.

— Вчера вы назвали колокол элементом безопасности. Теперь мне нужен механизм зависимости.

— Ордер держит меня через него.

Слово «ордер» переводило разговор из области болезни в область полномочий. Если зависимость была наложена документом, у неё должен был существовать держатель, источник и условия действия. Я сменила линию вопросов.

— Какой ордер?

— Капитанский.

— Чей?

Ровер посмотрел на людей вокруг нас.

— Не здесь.

Я могла настаивать. Но сейчас мне было важнее понять границу риска.

— Как часто вы должны слышать колокол?

— Каждый прилив. При сильном наложении — чаще.

Ивен добавил:

— После ночного перехода у него уже начался откат. Чем дальше от судна, тем быстрее.

Старший конвоя протянул мне приказ.

— Маршрут утверждён. Через Восточные ворота, затем по Верхней улице.

Я посмотрела на схему. Городская тюрьма находилась севернее. Через Восточные ворота путь становился почти вдвое длиннее и уводил конвой за каменные склады, где звук причальных колоколов гас даже в шторм.

— Кто выбрал маршрут?

— Канцелярия маршала.

— Имя ответственного.

Он ткнул пальцем в подпись внизу. Я знала фамилию чиновника, но не его руку. Печать выглядела правильной. Время регистрации — одиннадцать двадцать три.

— Где входной номер вашего приказа в портовом журнале?

— Должен быть на обороте.

Не было. Старший конвоя нахмурился. Я попросила его удостоверение. Он протянул жетон. Номер подразделения совпадал. У второго стражника — тоже. У третьего на ремне висела свинцовая пломба смены. На ней стояла вчерашняя дата.

— Почему вы в старой сменной пломбе?

Мужчина опустил взгляд слишком поздно. Слева раздался короткий металлический щелчок. Я успела увидеть только движение руки у четвёртого стражника.

— Вниз!

Арбалетный болт прошёл там, где секунду назад была грудь Ровера, и ударил в дверь карантинной комнаты. Дальше всё перестало быть процедурой в удобном смысле слова, но сохранило её в другом: я точно знала, кто ещё не успел достать оружие.

Настоящий старший конвоя ударил стрелявшего локтем. Ивен оттащил Ровера к стене. Двое у фургона развернулись не к нападавшему, а к нам. Ложные. Я успела заметить ещё одну деталь: на кобуре ближайшего стрелка не было портового номера оружия. У настоящей маршальской службы номер выбивали на коже и дублировали на замке. Здесь кожу специально затёрли до серого пятна. Значит, люди пришли не только в чужой форме — они заранее собирались пережить проверку жетонов и не дать проверить оружие.

— Старший, двое ваших у стены настоящие?

Он бросил быстрый взгляд и кивнул на одного.

— Ренн — мой. Второго не знаю.

Этого хватило, чтобы перестать считать форму признаком стороны. Я выдернула короткую служебную дубинку и отбила кисть одного, когда он потянулся к пистолю. Рядом рванулся конь, фургон перекосило, кто-то закричал. Второй человек бросился к Роверу с ножом. Ровер встретил его плечом, но движение вышло слабее, чем ночью. Нож скользнул по сюртуку. Белые трещины на его шее проступили сразу, словно соль поднялась из-под кожи.

С корабля ударил колокол. Звук прошёл по причалу низко и тяжело. Ровер дёрнулся, вдохнул и словно получил обратно часть веса собственного тела. На трапе «Слепого меридиана» появилась женщина с коротко стриженными рыжевато-каштановыми волосами и абордажным крюком в руке.

— Капитан!

— Мара, к борту! — крикнул Ровер.

Она увидела меня рядом с ним и выражение её лица стало таким, что представление можно было отложить на более мирное время. Нападавший у фургона бросил что-то под колёса. Я услышала шипение и увидела серый дым.

— Отойдите от фургона! — крикнула я настоящему старшему.

Поздно. Под днищем хлопнул заряд, не слишком сильный для убийства, зато достаточный, чтобы лошади понесли. Фургон дёрнуло к краю причала. Стражники рассыпались. Один из людей в поддельной форме оказался под копытами и выронил кожаную сумку. Я успела подцепить её ногой к стене, прежде чем второй попытался забрать. Внутри звякнули металлические печати. Не оружие — хуже. Дубликаты служебных знаков трёх ведомств. Я захлопнула сумку и бросила настоящему старшему.

— Под личную опись. Никому не отдавать без имени и подписи.

— А вы куда?

Я посмотрела на Ровера. Ответ мне не нравился ещё до того, как я его сформулировала.

— Сохранять свидетеля, пока ваш конвой не станет снова однозначным понятием.

Позади нас прозвучал ещё один выстрел. Пуля выбила каменную крошку из стены. Ренн, тот самый настоящий стражник, встал между стрелком и Ивеном. Старший потащил задержанного нападавшего за колонну. У меня оставалось всё меньше причин верить, что ожидание подкрепления улучшит ситуацию быстрее, чем приведёт сюда человека с очередной действительной печатью. Ровер схватился за столб. На костяшках проступила соль.

— Нам нужно к колоколу.

— Вы под арестом.

— Тогда арестуйте меня на палубе.

Это была почти издевка, но он уже тяжело дышал. Я посмотрела на расстояние до трапа, на людей в форме, среди которых по меньшей мере трое были не теми, за кого себя выдавали, и на закрытые склады за спиной. Передать Ровера сейчас означало не исполнить приказ, а отдать свидетеля неизвестному получателю.

— Кто эта женщина? — спросила я, кивая на трап.

— Мара Тэрн. Первый помощник.

Первый помощник означал не просто ещё одного члена команды: если Ровер потеряет сознание, именно она получит оперативное управление судном. Мне нужно было понять, сможет ли она выполнить медицинское условие, а не доверять ей по должности.

— Она знает о вашей зависимости?

— Лучше всех.

— Хорошо. Тогда идём к судну. Не бежим отдельно. Вы впереди меня на два шага.

Ровер посмотрел на меня, будто хотел убедиться, что услышал правильно.

— Вы отменяете перевод?

— Я приостанавливаю его из-за покушения и нарушенной идентичности конвой. Если переживём следующие пять минут, оформлю точнее.

Он почти улыбнулся, но лицо сразу снова стало жёстким от боли. Мы двинулись к трапу. Настоящий старший конвой прикрывал нас сзади. Один из ложных стражников выстрелил второй раз. Болт ударил в стойку передо мной, щепки полоснули щеку. Мара спустилась навстречу.

— Она не поднимается на борт, — сказала она Роверу.

— Поднимается, — ответил он.

Я остановилась на нижней ступени.

— Нет. Это решаю я.

Мара перевела на меня взгляд. Вблизи она выглядела старше, чем с палубы, и усталость на её лице была не ночной. На запястье под рукавом я увидела старый шрам, похожий на след ожога.

— Тогда решайте быстрее, следовательно. Через минуту причал закроют с двух сторон.

За складами уже звучал свисток портовой тревоги. Ровер держался за поручень. Колокол над ним качнулся без удара, но одной близости к нему, похоже, было мало. Я могла остаться на причале, дожидаться маршала, предъявить поддельных стражников и копию будущей строки. Это был нормальный путь, если предположить, что каналы, через которые пришли поддельный конвой и исчезнувший ящик, случайно не совпадают с теми же каналами.

Я могла подняться на корабль, который официально не существовал, с задержанным, которому не доверяла, и командой, которая предпочла бы увидеть меня за бортом. Оба решения были плохими. Значит, оставалось выбрать то, где у меня сохранялось больше проверяемых фактов. Я поднялась на следующую ступень.

— Мара Тэрн, зафиксируйте: я поднимаюсь на судно добровольно, для сохранения свидетеля и вещественных доказательств после нападения на конвой. Капитан не удерживает меня силой. Вы это слышали?

Она моргнула.

— Слышала.

— Ровер?

— Слышал.

— Тогда наверх.

На палубе Мара сразу отдала распоряжения. Двое матросов оттолкнули трап, ещё двое начали выбирать швартовы. Я схватила её за локоть прежде, чем она ушла.

— Судно задержано. Я не разрешала отход.

— А я не разрешала стрелять в моего капитана, — ответила она. — Сегодня у всех трудный день.

— Если уйдёте из порта без оформления, я стану пособницей побега.

Мара посмотрела через плечо на дым у фургона.

— Похоже, вы уже выбрали компанию.

— Я выбрала цепочку доказательств. Это не одно и то же.

— Для виселицы разница утешительная.

Я отпустила её. Возразить было чем, но не сейчас. Вместо этого потребовала судовой журнал входов. Мара почти рассмеялась.

— Мы уходим под огнём.

— Именно поэтому я хочу запись. Кто поднялся после начала нападения?

Она секунду смотрела на меня, затем сорвала с крюка дощечку журнала и сунула ближайшему матросу.

— Записывай: капитан, следователь, хирург. Время — двенадцать ноль семь. И добавь, что следователь сама потребовала запись.

— Добавьте, — сказала я. — Потом будет меньше пространства для чужой версии событий.

Мара бросила на меня такой же жёсткий взгляд, как у трапа, но спорить с записью больше не стала. Практическое назначение моей требовательности она, по крайней мере, увидела. Ровер дошёл до колокола. Ладонь легла на тёмную бронзу. Он не ударил сразу.

— Эллина.

Это был первый раз, когда он назвал меня без должности.

— Что?

— До звона ещё можно сойти. После первого удара я не смогу остановить переход посередине.

Мара резко посмотрела на него, потом на меня. Причал был всего в нескольких шагах. Настоящие стражники уже теснили нападавших к стене; из-за складов бежало подкрепление. Я могла спуститься, предъявить сумку с поддельными печатями, потребовать закрыть все выходы и начать обычное расследование. Это перестало быть невозможным. Просто шанс сохранить Ровера в живых и под моей юрисдикцией становился хуже с каждой минутой.

— Если я сойду, вы останетесь у причала? — спросила я.

— Нет.

— Причина?

— Следующий приказ о переводе может оказаться лучше подготовлен. А колокол уже тянет маршрут.

Он не просил меня остаться и не говорил, что видел, как я поступлю. Это имело значение. Я посмотрела вниз на причал, затем на журнал, где матрос только что записал моё добровольное появление на борту.

— Тогда фиксируем второе решение. Я остаюсь на судне добровольно до возвращения в безопасную юрисдикцию или до возможности передать вас проверенному конвою. Это не согласие на неизвестные действия и не отказ от моего статуса следователя.

— Понял, — сказал Ровер.

Мара сухо добавила:

— Я тоже.

Теперь можно было переходить к опасной части без путаницы в полномочиях.

— Если останетесь, не отходите от грот-мачты до первого звона. И не касайтесь того, что покажется знакомым.

— Почему?

— Потому что маршрут подхватывает узнаваемое быстрее чужого.

— Это предупреждение основано на наблюдении или на том, что вы видели меня в другой ветви?

Он замер. Вопрос был не о любопытстве. Мне нужно было знать, не собирается ли он снова использовать свою будущую версию меня как инструкцию для нынешней.

— На общем правиле, — сказал Ровер. — Не на вашем варианте.

— Хорошо. Тогда выполняю.

За кормой на причал выбежали новые стражники. Я узнала форму маршальской службы. Один поднял рупор.

— «Слепой меридиан»! Остаться у причала!

Мара выругалась.

— Поздно, — сказал Ровер.

Он ударил в колокол. Звук оказался не громче обычного, но палуба под ногами дрогнула, как настил весов под внезапным грузом. Вода у борта побелела. Не вспенилась — именно побелела, будто море потеряло глубину и стало листом соли. Я схватилась за грот-мачту.

Второй удар пришёлся мне в зубы металлическим вкусом. Фонари на причале раздвоились. На мгновение я увидела за ними другие фонари — высокие, красные, стоящие там, где в нашем Астере был пустой мол. Мара крикнула что-то команде. Реплики утонули в третьем звоне. Корабль дёрнуло вперёд, хотя паруса оставались убраны. Я увидела берег через плечо Ровера. Сначала знакомую линию складов.

Потом она провалилась. Каменные корпуса исчезли, на их месте поднялась стена дыма. Башня Высокого реестра стояла без верхних этажей. Восточный мол был расколот пополам, а между его остатками лежали ржавые корпуса кораблей, которых я никогда не видела. «Слепой меридиан» всё ещё шёл вдоль Астера. Только этот Астер был разрушен так давно, что по стенам уже росла трава.

В моём городе этого не происходило. Я держалась за мачту и смотрела на место, которого не существовало.

Глава 5

Первым делом я проверила часы. Они шли. Это было глупо успокаивающим фактом, но фактом. Минутная стрелка пересекла отметку, секундная не дёргалась назад, заводной механизм не остановился. Если мы куда-то переместились, время не сочло нужным объяснять мне, куда именно. Вторым я посмотрела на Высокий реестр.

От башни осталась нижняя треть. Камень был чёрным от старого пожара, в оконных проёмах росли кусты, а через разрушенную крышу проходил луч дневного солнца. Так не выглядело место, уничтоженное сегодня утром. И уж точно не выглядело моим городом через несколько часов.

— Это не будущее, — сказал Ровер рядом.

Я повернулась к нему.

— Я не задавала вопрос.

— Но вы проверяете признаки времени.

Он верно определил метод, но это не давало ему права подставить вместо моих измерений собственное объяснение. Я оставила ему только ту часть, которую можно было подтвердить наблюдением.

— Я проверяю всё, что могу измерить. Разница существенная.

Он кивнул, принимая поправку. После ночи это уже казалось почти роскошью. Вокруг нас работала команда. Никто не смотрел на руины дольше необходимого. Мара распределяла людей по снастям, Ивен уводил вниз матроса с перевязанным плечом, хотя минуту назад на нём не было крови. На баке двое моряков забивали клинья в планширь, который успел посереть и растрескаться между двумя ударами колокола.

Я подошла ближе к борту. Вода была того же уровня, что в нашем порту. Прилив совпал. Солнце стояло там, где должно было стоять около полудня. На разрушенном причале висела железная табличка со старым номером склада — тем же, что использовался у нас сейчас.

— Какая катастрофа произошла здесь? — спросила я.

Ровер провёл пальцами по соляной трещине у шеи.

— Пожар в Южном зерновом ряду девять лет назад дошёл до порохового склада.

Я помнила тот пожар. Два склада, три погибших, повреждённая насосная станция. Пороховой склад тогда успели отсечь каменными воротами.

— У нас ворота закрыли.

— Здесь — нет.

Разница в одном действии могла объяснять руины, но я не знала, что именно изменило решение людей девять лет назад. Ветка показывала результат, а не давала готовую причину.

— Почему?

— Не знаю.

Ответ прозвучал сразу. Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы не видели причину?

— Я вижу маршрут, отдельные фрагменты и последствия. Не полную цепочку.

Вот это было достаточно точным описанием его способности, чтобы его можно было использовать как ограничение, а не как удобство.

— Значит, вы не знаете, что из увиденного станет нашим настоящим.

— Не знаю.

— И не знаете, станет ли вообще.

— Да.

Я запомнила это лучше любого успокаивающего заверения. Пока что значение было сугубо профессиональным: капитан вслух признал предел собственного знания. Корабль

содрогнулся. Сверху сыпалась древесная труха. Мара выругалась и вскинула голову. На грот-мачте появилась новая белая полоса. Не трещина от нагрузки — дерево словно постарело по кругу. Один из матросов ткнул в него ножом, и лезвие вошло глубже, чем должно было.

— Ровер!

Он уже шёл к штурвалу.

— Сколько до выхода? — спросила Мара.

— Если линия не сместилась — один проход по внутреннему молу.

— А если сместилась?

Он не ответил ей сразу и посмотрел в сторону разрушенного маяка у входа в гавань. Там, где в нашем Астере стояла высокая белая башня, здесь из воды торчала её половина. Верхняя часть лежала поперёк прохода, как каменный вал. Между обломком и рифом оставалась щель, слишком узкая для нашего борта.

— Смещена, — сказал Ровер.

Мара резко выдохнула и начала отдавать команды. Паруса пошли вверх. Ветра почти не было, но ткань наполнилась странным боковым давлением, как будто море само тянуло судно к выходу. Я подошла к Роверу.

— Что случится, если мы останемся?

— Корабль продолжит принимать возраст этой ветви. Потом перестанет отличаться от местных обломков.

— Команда?

— Раны усилятся.

На баке матрос с новым порезом уже прижимал к щеке ткань, а Ивен заставлял другого сесть, хотя тот уверял, что может работать. Цена не была отвлечённой: она росла на палубе быстрее, чем мы обсуждали варианты.

— Я?

Он посмотрел на мою руку с пломбиром.

— Пока вы просто пассажир, цена меньше.

«Пока» мне не понравилось.

— Вы можете открыть другой маршрут?

— Не без якоря и времени.

Нового якоря у нас не было, а слово «время» на корабле, который старел на глазах, звучало как предложение заплатить тем же ресурсом, которого не хватало. Я исключила вариант и перешла к геометрии прохода.

— Можно обойти маяк?

— Осадка не позволит. Снаружи риф.

Я посмотрела на обломок. Камень был покрыт водорослями и ржавыми скобами. На нижней части сохранился инвентарный знак портовой службы. Инвентарный знак. Я достала зрительную трубку и навела её на обломок. Номер маяка совпадал с нашим настоящим. Но рядом под старой маркировкой стоял второй оттиск — серый, почти стёртый. Знак списания.

— В этой ветви маяк снят с реестра?

Ровер проследил за моим взглядом.

— После взрыва, вероятно.

— Вероятно — не ответ. Мара, есть шлюпка?

Она повернулась ко мне так резко, будто я предложила вплавь тащить корабль.

— Есть. Нет.

— Какой из ответов официальный?

— Тот, где я не выпускаю таможенного следователя к каменному обломку посреди чужого порта.

Ровер подошёл ближе.

— Что вы хотите сделать?

Я показала на знак списания.

— Нулевая печать не уничтожает предмет. Она отказывает ему в признании текущим реестром, если происхождение и статус не совпадают. В нашем Астере этот маяк действует. Здесь его списали. Если маршрут пытается протащить обломок как часть принимаемой линии, я могу оспорить принадлежность.

— Вы уверены? — спросила Мара.

— Нет.

Она коротко рассмеялась без веселья.

— Прекрасно.

— Но я знаю, что нулевая печать требует предмет, происхождение, массу или хотя бы идентификатор. Номер у нас есть. Статус здесь — списан. В нашем реестре такой обломок не существует как груз. Это лучше, чем ждать, пока у нас сгниёт мачта.

Ровер смотрел на маяк. Белые линии на его шее стали глубже.

— Если отзыв примет массу обломка, цена ляжет на вас.

— Я знаю правило.

— Вы не знаете цену для такого веса.

— Тогда назовите альтернативу.

Он молчал. Мне не нужно было угадывать, что означало его молчание. Достаточно того, что другой рабочей схемы он не предложил.

— Шлюпку не спускаем, — сказала я. — Подойдём на минимальную дистанцию. Мне нужна инвентарная цепь и физический контакт с частью конструкции, которая связана с обломком. Канат с металлическим крюком подойдёт, если он зацепится за скобу.

Мара уже перестала спорить и перешла к расчёту.

— Подойдём — нас понесёт на камень.

— Значит, нужен один заход.

— Один, — подтвердил Ровер. — После него линия закроется.

Одной моей печати было мало. Без манёвра Мары я не получила бы дистанцию, без Ровера — саму линию выхода; их навыки, в свою очередь, ничего не делали с чужой массой без моих полномочий. Этого было достаточно, чтобы действовать вместе, не придумывая доверия раньше срока.

Мара развернула команду. Ровер встал к штурвалу. Я закрепила ремень пломбира на запястье и потребовала журнал инвентарных знаков, который оказался в капитанской рубке среди старых портовых справочников. Номер маяка нашёлся в астерской таблице: действующий, масса верхней секции приблизительно тридцать восемь тонн. Я сухо подумала, что всю жизнь считала тяжёлым грузом слонов и бронзовые колокола. Маяк просто расширил профессиональный кругозор.

«Слепой меридиан» пошёл к проходу. Корпус стонал на каждой волне. На фок-мачте лопнула одна снасть, и канат ударил по палубе. Матрос успел отскочить, но на его щеке тут же проступил длинный порез, края которого уже были тёмными, будто ране несколько дней.

Я увидела это и заставила себя не искать событие, которое «должно» произойти. Ивен уже сказал: след не обязывает настоящее повторяться.

— Крюк готов! — крикнула Мара.

Два матроса держали тяжёлый бросательный канат. На конце блестел железный крюк. Ровер подвёл судно ближе. Обломок маяка заполнил половину горизонта. Вода у камня закручивалась серыми воронками.

— Сейчас!

Крюк полетел и ударил по скобе. Первый раз соскочил. Корабль качнуло. Грот-мачта хрустнула так, что на палубе все одновременно подняли головы.

— Ещё раз! — крикнула Мара.

Второй бросок зацепился. Я встала у натянутого каната и коснулась металла пломбиром. Холод пришёл сразу. Нулевая печать не спрашивала, нравится ли мне решение. Она требовала формулу.

— Объект: верхняя секция маяка Астер, инвентарный номер семь-четыре, — сказала я вслух, чтобы все слышали основание. — Происхождение: неактуализированная ветвь. Статус в текущем Астере: отсутствует как отдельный груз. Принимающая сторона отказывается признавать перенос массы.

Пломбир дёрнулся в ладони. Белая линия побежала по крюку, канату и исчезла в воде. Боль пришла следом. Не порез и не удар. Ладонь будто приложили к раскалённой металлической пластине, только кожа оставалась белой. Я стиснула зубы и удержала пломбир.

— Эллина! — голос Ровера донёсся от штурвала.

— Не отвлекайте меня!

На матрице проступили цифры массы. Они росли слишком быстро: десять тонн, двадцать, тридцать... Я поняла ошибку. Реестр пытался считать не только верхнюю секцию, а весь связанный маячный узел.

— Мара! Ослабьте канат после размыкания, не раньше!

— Он уже режет планширь!

— Не раньше!

Тридцать восемь тонн. Цифры остановились. Я ударила нулевой матрицей по металлическому кольцу крепления.

— Отзыв принят.

Мир на мгновение стал белым. Канат провис. Не потому, что маяк исчез. Обломок остался там же. Но вода вокруг него изменила направление, будто маршрут перестал считать камень частью стены и увидел пространство между ним и нашим судном. Край секции дрогнул двойной тенью и сместился на несколько ярдов в сторону — не физически, а относительно той линии, по которой нас тянуло.

— Проход! — крикнул Ровер.

Он повернул штурвал. «Слепой меридиан» рванулся вперёд. В ту же секунду грот-мачта лопнула выше реи. Дерево рухнуло на правый борт. Мара успела увести людей, но снасти потянули верхушку за собой в воду. Судно накренилось. Я потеряла опору и ударилась плечом о палубу. Кто-то схватил меня за предплечье. Ровер. Он удержал меня, пока палуба не выровнялась, и сразу отпустил. Ни лишней секунды.

— Рука?

Я подняла ладонь. На коже от основания большого пальца до запястья проступал красный след в форме половины нулевой матрицы. Теперь боль стала обычной — жгучей и вполне земной.

— Работает, — сказала я.

— Это не ответ.

— Для следователя — достаточный.

Ивен уже шёл к нам с сумкой. Ровер открыл рот, остановился и отошёл, освобождая хирургу место. Я отметила это так же, как отмечала любую корректировку поведения после новой информации. Корабль вошёл в белую полосу у выхода из гавани.

На этот раз я была готова к двоению света. Руины Астера наложились на целые башни, травяные стены — на мокрые склады, разбитый мол — на наш действующий причал. Два города несколько секунд занимали одно место. Потом остался один. Наш. Башня Высокого реестра была цела. На Южном зерновом ряду грузчики ругались из-за опрокинутой тележки. Над внешним молом летали чайки, как будто за его пределами не существовало другой версии этого же берега.

Я выдохнула только тогда, когда часы на башне пробили половину первого. Мы отсутствовали меньше двадцати минут. Мара начала считать повреждения. Верхняя часть грот-мачты была потеряна. Две снасти требовали замены. На носу дерево покрылось сетью новых соляных прожилок. Ивен перевязал мою ладонь и велел не пользоваться пломбиром хотя бы несколько часов.

— Это не обсуждение, — добавил он.

— Вы хирург на задержанном судне.

— А вы пациентка на этом же судне.

Мне нечем было ответить, не опускаясь до должностного ребячества, поэтому я промолчала. Ровер подошёл позже, когда Мара уже отправила людей разбирать снасти.

— Можно посмотреть повязку?

Вопрос был настолько прямым, что я на секунду удивилась.

— Зачем?

— Хочу понять, насколько быстро идёт соль.

— Это можно сделать словами. Жжения меньше. Пальцы двигаются. Белых прожилок нет.

Он кивнул и не потянулся к руке. Хорошо. Я собиралась спросить, что именно привело нас в разрушенный Астер, когда с кормы позвали Мару. На палубе стоял ящик. Я сразу проверила место: между двумя бочками с пресной водой, где до перехода было пусто. Доска под ним была сухой. Канатов, которыми его могли закрепить, не было.

— Кто принял груз? — спросила я.

Никто не ответил. Мара посмотрела на команду.

— Я не приказывала ничего брать.

— Я тоже, — сказал Ровер.

Я обошла ящик, не касаясь. На боковой стенке имелась оружейная маркировка Астера, но не нынешняя. Под знаком арсенала стоял год изготовления. Через девять лет. Ниже шла строка назначения: «Мобилизационный резерв. Северная кампания». Я подняла глаза на Ровера.

— У нас нет Северной кампании.

— Сейчас — нет.

— Не заканчивайте за настоящее.

Он замолчал. Я снова посмотрела на ящик. Пломбы были целы, масса указана, оружейный код настоящий по форме. Если груз стабилизируют в нашем порту, кто-то получит оружие из войны, которой здесь ещё нет и которая не обязана случиться. После этой мысли ожог в ладони показался почти простым. Мы вернулись в Астер с доказательством, которого не брали. И оно было изготовлено для войны через девять лет.

Глава 6

К вечеру я успела установить три вещи. Будущий оружейный ящик весил сто девяносто четыре портовых фунта, его пломбы не принадлежали ни одному действующему складу Астера, а моя правая ладонь плохо сгибалась после нулевого отзыва. Ивен начал именно с ладони. Я бы начала с ящика, но пациентам редко разрешают определять порядок медицинского осмотра.

Он заново перевязал кисть в лазарете «Слепого меридиана» и велел не пользоваться пломбиром до утра. Кожа под бинтом оставалась красной, рисунок половины матрицы проступал даже через мазь, но белых соляных прожилок не было. Это отличало мой ожог от того, что происходило с Ровером и кораблём, и пока я не понимала, радоваться разнице или просто занести её в отдельную графу.

— Если начнёт неметь большой палец, зовите меня, — сказал Ивен.

— Если начнёт неметь, я сама замечу.

— Ваш талант к наблюдениям не заменяет врача.

— А ваш талант к распоряжениям не делает меня послушнее.

Он посмотрел на меня поверх очков, затем молча положил рядом запасную повязку. На этом спор закончился в пользу человека, у которого имелись мазь и иглы. На палубе к тому времени уже знали, что город считает нас беглецами. Сигнал пришёл не письмом, а тремя красными фонарями на башне портового маршала. Первый означал задержанное судно, покинувшее место досмотра. Второй — вооружённое сопротивление при исполнении. Третий зажгли через минуту после первых двух: содействие должностного лица.

Я стояла у кормового релинга и считала интервалы между вспышками, когда рядом остановилась Мара.

— Теперь вы официально с нами, — сказала она.

— Официально я пока только человек, чьё имя поставили под чужой формулировкой.

— Удобная разница.

— Очень. Поэтому я хочу знать, кто именно её поставил.

Мара скрестила руки. На рукаве у неё темнело пятно смолы после ремонта снастей. За её спиной команда снимала обломки грот-мачты и перебрасывала нагрузку на уцелевшие реи. Никто не стоял без дела ради нашего разговора. Это мне нравилось больше, чем её тон.

— Высадим вас у Рыбного мола, — сказала она. — Там нет реестровой цепи. Через десять минут будете на берегу.

— И будущий ящик останется у вас.

— Он пришёл на наш корабль.

— Он стал доказательством в моём деле раньше, чем вы решили, что дело вам мешает.

Мара перестала смотреть на порт и повернулась ко мне полностью.

— Моей команде мешают не ваши бумаги. Моей команде мешают люди, которые сегодня дважды пытались забрать капитана, а теперь могут объявить законной целью любое судно рядом с нами. Вы привели это сюда.

— Нет. Это уже было здесь. Я просто оставила запись.

— От записи пули мягче не становятся.

Возразить было невозможно, потому что одна из пуль всё ещё лежала в доказательственном конверте у меня в кармане. Я не собиралась доказывать Маре, что закон важнее её людей. Закон, который не умел учитывать живых людей, в лучшем случае нуждался в ремонте.

— Кто из команды сейчас может сойти на берег без задержания? — спросила я.

Вопрос сменил направление разговора. Мара чуть прищурилась.

— Двое. Ивен и мальчишка-камбузник. Остальные были в порту на прошлых рейсах под чужими именами или сейчас попадут под дело о нападении.

— Чужие имена подтверждены документами?

— Вы всерьёз собираетесь проверять это сейчас?

— Да. Потому что если я остаюсь, мне нужно знать, за кого именно я принимаю ответственность и в каких пределах.

Мара коротко усмехнулась, но уже без прежнего презрения.

— Это к капитану.

Ровер стоял у штурманского стола под навесом. Перед ним лежали два журнала: обычный судовой и узкий, обтянутый серой кожей, которого я раньше не видела. Колокол у мачты молчал. Даже отсюда я замечала, что соль вдоль бронзового крепления стала толще после перехода.

— Я собирался уйти до следующего приливного окна, — сказал Ровер, когда Мара изложила моё требование. — На восточный рейд. Там сложнее подойти незаметно.

— Вы собирались уйти, не спросив меня.

— Вы задержали судно. После сегодняшнего нападения ваши полномочия на причале не защищают ни вас, ни нас.

— Это не ответ на формулировку.

Он выдержал мой взгляд.

— Да. Я собирался уйти без вашего согласия.

Вот теперь было с чем работать.

— Тогда я не останусь на условиях, которые вы меняете в одиночку.

Мара опёрлась ладонями о край стола.

— А я не оставляю вас на борту, если вы можете в любой момент потребовать, чтобы мы легли под портовые цепи и ждали ещё одну расстрельную команду.

— Поэтому нужен договор.

Ровер посмотрел на бинт на моей руке, затем на журналы.

— Какой?

— Письменный. На один цикл расследования. С точными правами доступа, условиями отхода, обязанностью сохранять груз и правилами помощи раненым. Без передачи капитанской власти мне и без права капитана решать за меня, куда я иду.

Мара фыркнула.

— Вы хотите оформить бегство.

— Я хочу оформить ответственность. Бегство у вас уже есть.

Сухая фраза сработала лучше, чем длинное объяснение. Мара отодвинула мне чистый лист. Писать левой рукой было медленно, поэтому первую редакцию я диктовала, а она записывала своим крупным, наклонным почерком. Это тоже оказалось полезно: человек, который вслух повторяет условие, реже потом утверждает, что понял его иначе.

— Пункт первый, — сказала я. — «Старший следователь Эллина Марель остаётся на борту добровольно для сохранения доказательств и установления угрозы порту. Её присутствие не означает отказа от должности, признания вины или передачи личных решений капитану».

Мара остановила перо.

— Последнее обязательно?

— Да.

Ровер не вмешался.

— Пункт второй. Капитан сохраняет навигационную и морскую власть только там, где решение необходимо для безопасности судна. Он обязан сообщать мне известный риск до действия, если время позволяет. Увиденная им вероятная ветвь не считается моим распоряжением, согласием или обязательством.

Теперь Мара посмотрела на Ровера.

— Это о чём?

— О том, что не должно повториться, — ответил он.

Формулировка была осторожной, но не лживой. Я позволила ей остаться.

— Пункт третий. Я получаю доступ к судовому журналу рейсов, грузовым помещениям, документам ордера и сведениям о физических последствиях переходов. Исключения — личные медицинские сведения экипажа, если они не связаны с расследуемым маршрутом.

— Связаны почти все, — заметил Ивен от входа в лазарет.

Он принёс кружку горячей воды и поставил её передо мной. Я не спрашивала, кто его звал. На корабле, похоже, раненая кисть считалась общественным делом.

— Тогда вы будете определять медицинскую необходимость раскрытия, — сказала я. — И фиксировать основание.

Ивен кивнул. Следующий пункт вызвал настоящий спор.

— «При угрозе задержания экипажа я не обязуюсь препятствовать отходу судна, если капитан и первый помощник письменно фиксируют непосредственную угрозу и ближайшую безопасную точку возвращения».

— Нет, — сказала Мара.

— Что именно?

— «Ближайшую безопасную точку». Мы можем не знать её заранее.

— Тогда формулируйте свой вариант.

Мара несколько секунд смотрела на карту рейда, прежде чем ответить.

— «Ближайшую достижимую точку, где судно не находится под непосредственным нападением». И без обещания возвращения в порт, пока мы не знаем, кто контролирует цепи.

Я изменила строку. Мара защищала не свободу капитана, а возможность увести людей от огня. Это было её условием с первого разговора, и было бы глупо требовать от неё внезапной верности моей системе. Ровер вмешался только на пункте об ответственности.

— Вы не можете отвечать за мою команду перед Советом.

— Не за прошлые рейсы. За действия, совершённые после подписания и в рамках моего расследования, — могу принять ограниченную ответственность как инициатор совместной операции.

— Вы уже разыскиваетесь.

— Именно поэтому цена реальна.

Он молчал несколько секунд. Я не пыталась угадать, что это значит.

— Запишите границу, — сказал он Маре. — Только действия по её прямому запросу или действия, без которых невозможно сохранить доказательства и людей.

Я кивнула. Это было первое условие, которое он сформулировал не в свою пользу. Мара сама закрыла этот спор и привела нас к кормовому грузовому отсеку, где будущий оружейный ящик стоял отдельно от остальных вещей. Доски уже успели покрыться тонким белым налётом, хотя после появления ящика прошло несколько часов.

— Если вы собираетесь отвечать за доказательства, — сказала Мара, — скажите, что делать с этим. На корабле нет вашего склада.

Я проверила замок, пломбы и отметку массы. Нулевая печать сейчас была запрещена Ивеном, а обычная таможенная пломба не могла признать или отменить будущий груз. Зато она могла зафиксировать вмешательство в настоящее.

— Ничего не вскрываем. Ставим физическую клетку, две независимые печати и журнал доступа. Вашу судовую и мою обычную служебную. Массу снимаем каждые четыре часа. Если она изменится без вскрытия, это отдельный факт.

— А если он взорвётся? — спросил один из матросов.

— Тогда я предпочту знать, что перед взрывом его никто не открывал. Но сначала Ивен и ваш мастер по пороху осмотрят ящик снаружи. Без перемещения.

Мара кивнула матросу, потом задержала меня у двери.

— Запишите ещё одно условие. Если ваш приказ требует действия, которое угрожает всему судну, капитан или я можем остановить его до обсуждения.

— С формулировкой причины вслух и записью в журнале.

— Разумеется.

Это «разумеется» я тоже запомнила. Ещё вчера Мара называла мои записи способом усложнить бегство. Сегодня сама потребовала механизм, который не позволял мне прикрыться должностью. Я внесла пункт в черновик договора. Союз начинал выглядеть не как доверие, а как система взаимных тормозов. Для первого вечера меня это устраивало значительно больше.

Мы закончили через сорок минут. Договор получился на две страницы, с тремя подписями: моей, Ровера и Мары как свидетеля условий. Я добавила время, координаты судна и отдельной строкой — состояние будущего оружейного ящика на момент подписания. Ни одна бумага не становилась надёжнее от красивой формулировки, если невозможно доказать, где она появилась.

— И что теперь? — спросила Мара.

— Теперь я проверяю журнал рейсов.

Серый журнал оказался хуже любого признания. Он был не списком портов, а списком соответствий. Дата слепого прилива, масса принятого груза, ветвь происхождения, код принимающего узла, номер колокольного цикла. Часть строк шла за одиннадцать лет. Первые рейсы содержали лекарства, хирургические нити, стекло, зерновые культуры, оборудование для очистки воды. Потом появились металлы. Последний год — оружейные сплавы, детонаторы, детали укреплений.

— Кто определял груз? — спросила я.

— Мы получали маршрут и перечень допустимой массы, — сказал Ровер. — Первые годы заказ объясняли спасением порта после эпидемий и штормов. Оружие появилось позже.

— Кто выдавал маршрут?

Он указал на код в предпоследней колонке. *ВР-0/МФ-17*. Сокращение я знала. Высокий реестр, нулевой уровень доступа. Маячный фонд, дело семнадцать.

— Этот код действующий?

— Он одинаковый с первого рейса.

Я перелистнула назад. Действительно одинаковый. Но раньше я смотрела бы на него как на архивную ссылку, а теперь увидела порядок полномочий: нулевой уровень означал запись, которую обычный регистратор не мог открыть без отдельного допуска. Маячный фонд давно считался закрытым подразделением, куда передавали старые капитанские ордера и списанные навигационные договоры.

— Кто имел право создавать записи такого уровня двенадцать лет назад?

— Вы знаете систему лучше меня.

— Я спрашиваю, что знаете вы.

— Верховный регистратор или лицо с его временной нулевой доверенностью.

Я отметила ответ. На следующей странице была свежая строка. Дата — сегодняшняя. Груз — оружейная партия, появившаяся на палубе после возвращения. Масса совпадала до четверти фунта. В графе принимающего узла стоял тот же код Высокого реестра. А в колонке, которой не было на старых страницах, появились два имени. Первое: Ровер Вейр. Второе: Эллина Марель.

Я провела ногтем по чернилам. Они были сухими. Не впитались поверх старой строки и не выглядели дописанными. Бумага вокруг моего имени отливала слабой синевой приливной записи.

— Кто это внёс?

Мара наклонилась ближе.

— Не я.

— Ровер?

— Нет.

— Ваш ответ фиксирую как прямое отрицание.

— Фиксируйте.

Под моим именем оставалась пустая клетка подписи. Это имело значение. Запись называла меня принимающим лицом, но не доказывала, что я что-либо приняла. Я взяла карандаш левой рукой и обвела строку, не касаясь приливных чернил.

— До моей действующей подписи это не полномочие, — сказала я. — Ни для вас, ни для журнала, ни для того, кто рассчитывает иначе.

Снаружи портовые фонари снова мигнули красным. Кто-то на берегу всё ещё пытался решить, кем я стала после полудня. У меня появился более полезный вопрос. Кто-то внутри Высокого реестра уже записал меня в следующий рейс — раньше, чем я согласилась его совершить.

Глава 7

Утром порт встретил нас четырьмя ордерами на задержание, двумя закрытыми складами и одним портовым маршалом, который не любил, когда ему приносили невозможное вместо доказательств. Из трёх обстоятельств последнее было самым полезным.

Даст Релл согласился встретиться не на корабле и не в управлении, а в пустой весовой будке у Восточной товарной линии. На двери ещё висела табличка старого подрядчика, внутри пахло мокрой пенькой и железной пылью. Я пришла первой, проверила оба выхода и номер пломбы на оконной решётке. Ровер остался снаружи под навесом, где его было видно через стекло. Так Даст мог говорить со мной, не делая вид, что капитана нет, и не обязан был начинать встречу с немедленного ареста. Он вошёл без сопровождения.

— У меня приказ доставить вас в управление, — сказал он вместо приветствия.

— От кого?

— Канцелярия Высокого реестра запросила исполнение. Подписал мой заместитель после подтверждения полномочий.

— Основание?

— Содействие побегу задержанного и незаконное перемещение арестованного груза.

Я положила на весовой стол копию договора, который мы подписали ночью, и рядом — конверт с металлическим осколком из раны матроса.

— Первая формулировка спорная. Вторая ложная. Будущий оружейный ящик не был арестован городом, потому что появился после нашего возвращения и ни один городской служащий его не принимал.

Даст даже не посмотрел на договор.

— Эллина, если я начну разбирать ваш статус раньше угрозы порту, мы оба потратим время неправильно. Что у вас есть такого, чего не было вчера?

Это был хороший вопрос. Я перестала защищаться и открыла конверт.

— Осколок из тела матроса «Слепого меридиана». Рана появилась до события, которое могло оставить такой металл в настоящем. Я не прошу вас верить этой части. Проверьте сплав и клеймо.

— Проверяли?

— Ночью. Латунно-никелевый сплав военного стандарта, партия *K-19/Север*. По открытым закупочным книгам такая партия ещё не выпущена. Но код плавильни уже зарезервирован под заказ, который должен пройти через Восточный оружейный склад сегодня утром.

Даст наконец взял щипцы и повернул осколок к окну.

— Откуда резервный код?

— Из заявки литейной артели. Она публичная до момента передачи на склад. Я сняла копию до того, как мне закрыли доступ.

— И вы считаете, на складе бомба.

— Я считаю, что у нас есть физический фрагмент, связанный с будущей партией, и оружейный ящик из вероятностной ветви, появившийся на судне без приёма. Ровер утверждает, что в одной посещённой ветви этот металл был частью взрывного устройства. Его утверждение само по себе ничего не доказывает. Совпадение сплава, партии и сегодняшней поставки даёт основание проверить склад.

Даст положил осколок обратно.

— Склад закрыт распоряжением регистратора до полудня.

— Причина?

— «Перепись опасных грузов после ночного инцидента».

Я достала лист с номером распоряжения.

— Я уже видела его копию. Оно запрещает выдачу и перемещение, но не аварийный осмотр при угрозе взрыва. Ваши полномочия выше складского запрета в части безопасности порта.

Он посмотрел на меня без удовольствия.

— Вы всё ещё умеете читать мои приказы лучше половины моего управления.

— Поэтому я и пришла к вам, а не к половине управления.

Даст выдохнул и постучал пальцем по столу.

— Что вы мне не показываете?

Вот ради этого я выбрала его. Он не спрашивал, есть ли у меня тайна. Он спрашивал, где проходит граница.

— Источник внутренней строки Высокого реестра и запись, где моё имя стоит принимающим лицом будущего рейса. Пока я не могу доказать, кто её создал. Я не хочу, чтобы эта часть ушла в канал до получения независимой копии.

— Вы просите меня действовать, скрывая часть дела.

— Я прошу вас проверить конкретную угрозу, для которой скрытая часть не нужна.

Молчание длилось несколько секунд. Даст открыл дверь и посмотрел на Ровера.

— Капитан Вейр.

Ровер подошёл, но не вошёл без приглашения. Это я отметила отдельно.

— Маршал.

— Вы утверждаете, что сегодня на Восточном складе будет взрыв?

— Я утверждаю, что видел ветвь, где взрыв произошёл на этом складе при разгрузке партии с таким сплавом.

— Когда?

— Около полудня по положению солнца. Точных часов в той ветви я не видел.

Даст чуть изменил стойку и перестал смотреть на меня: теперь он проверял именно Ровера, отделяя его показание от моей версии. Это было правильно. Если капитан начинал подстраивать ответы под мои формулировки, свидетельство теряло половину ценности.

— Кто заложил устройство?

— Не видел.

— Где оно было?

— Внутри контейнера с сигнальными детонаторами. Третий ряд от северной стены.

Даст повернулся ко мне.

— Это уже проверяемо.

— Именно.

Перед выездом Даст всё-таки потребовал вторую проверку. Он послал своего писаря в литейную артель за оригиналом утренней накладной, а сам сверил мой осколок с контрольным образцом сплава из портового арсенала. Мы ждали в будке почти полчаса, и это ожидание оказалось полезнее спешки.

Писарь вернулся с двумя документами. В заявке плавильни партия *K-19* действительно предназначалась Восточному складу, но получателем значился не оружейный мастер, а реестровая мастерская Высокого реестра. Ниже стояла поздняя приписка: «передать на склад временно до калибровки».

— Кто изменил получателя? — спросила я.

— Отметка аппарата, без имени, — сказал Даст.

— Номер аппарата?

Он перевернул лист. *РМ-4*. Я не стала произносить вывод. Один и тот же аппарат мог использоваться законно десятки раз в день. Но теперь у нас появилось основание искать не только бомбу, но и цепочку выдачи. Даст поставил на копии своё время и подпись.

— С этого момента, если вы исчезнете, у меня останется независимый документ, — сказал он.

— Именно поэтому я показала вам эту часть.

— А не потому что доверяете.

— В расследовании это слишком дорогой способ хранения доказательств.

Он усмехнулся. Потом убрал лист во внутренний карман и вызвал людей. Теперь на Восточный склад мы ехали не за видением капитана, а за конкретной партией, конкретным аппаратом и конкретным расхождением, которое ещё предстояло найти. Через двадцать минут мы стояли перед Восточным складом.

Даст привёл шестерых своих людей и сапёра портовой стражи. Я шла как свидетель и консультант по грузовой цепочке, что было юридически чище, чем делать вид, будто ордера на меня не существует. Ровер оставался под охраной самого Даста — не арестованным, но и не свободным исчезнуть. Он принял условие без торга. Начальник склада показал распоряжение Высокого реестра и отказался открывать ворота.

— У меня прямая печать, — сказал он. — До полудня никто не входит.

Даст протянул своё удостоверение.

— У вас прямая печать на запрет перемещения. У меня аварийное полномочие на угрозу массового поражения. Назовите вслух, что именно вы запрещаете мне сделать.

Я едва заметно посмотрела на него. Формулировка была моей, но применил он её без подсказки. Начальник склада перечитал оба документа и побледнел.

— Я не запрещаю аварийный осмотр. Я фиксирую, что склад закрыт по распоряжению регистратора.

— Зафиксировали. Открывайте.

Внутри стояли семь рядов контейнеров. Мы начали не с «третьего ряда», а с весового списка: номер поставки, заявленная масса, фактическая масса при приёме, отправитель, печать. Если Ровер ошибался в расположении, цепочка всё равно должна была вывести нас к аномалии. Партия *K-19* пришла час назад. Три контейнера имели одинаковую заявленную массу — по восемьдесят фунтов. Два совпали. Третий весил на одиннадцать фунтов больше.

— Кто принимал? — спросила я.

Начальник указал фамилию весовщика.

— Где он?

— Ушёл за новой гирей. Минут десять назад.

Даст послал двоих людей искать его и приказал очистить склад. Сапёр присел у контейнера, проверил петли и показал мне тонкую проволоку, уходящую под нижний обод.

— Не штатная упаковка.

Ровер стоял у двери. Его лицо стало жестче, но он не двигался ближе.

— В той ветви крышку подняли, — сказал он.

— Здесь не поднимут, — ответил Даст.

Сапёр работал почти четверть часа. Я следила за его руками и за списком. Проволока шла не к крышке, а к маленькому механизму под деревянным полозом. Если контейнер сдвинуть тележкой, натяжение замкнуло бы контакт.

— Механизм внешний, — сказал сапёр. — Могу снять.

— Сначала номер, — попросила я.

На медной пластине был выгравирован служебный шифр: *PM-4/BP*. Я знала первые буквы. Реестровая мастерская, четвёртая комната, Высокий реестр. Там калибровали приливные контакты для сигнальных цепей.

— Это не оружейный код, — сказал Даст.

— Нет. Детонатор собран на регистрационном аппарате.

Сапёр перерезал провод и снял механизм. Только после этого контейнер открыли. Внутри действительно лежали сигнальные детонаторы — обычные, законные, учтённые. Между двумя слоями упаковки была спрятана банка с серым порошком и второй контакт. Мы успели вынести первые три контейнера, когда снаружи раздался хлопок. Не такой, который рушит стены. Достаточный, чтобы выбить два окна и бросить людей на землю.

Я упала на колени, прикрыв голову левой рукой. Правая от удара отозвалась огнём под бинтом.

— Все наружу! — крикнул Даст.

Дым шёл от погрузочной площадки. Там стояла тележка с пустой тарой, и одна из её осей разлетелась в щепу. Кто-то успел поставить второй заряд вне склада. Один стражник лежал у стены, оглушённый, но живой. У грузчика была рассечена щека. Ивен, которого Мара прислала следом за нами вопреки моему мнению о достаточности портовой медицины, уже бежал к ним с сумкой.

Мы нашли весовщика через несколько минут после малого взрыва. Его обнаружили в хозяйственном проходе за складом, связанного собственным ремнём и с разбитой губой. Он был в сознании и первым делом потребовал, чтобы никто не подписывал приём от его имени.

— Кто вас ударил? — спросил Даст.

— Техник из Реестра. Показал срочный допуск на проверку контактов. Я отвернулся к журналу — дальше очнулся здесь.

— Имя?

— На допуске было «Харн». Лица раньше не видел.

— Допуск остался?

Весовщик кивнул на карман куртки. Бумага была там, но печать оказалась не личной, а аппаратной. Тот же номер *РМ-4*. Даст не позволил мне брать документ. Сам надел перчатки, вложил допуск в конверт и подписал место изъятия. Эта мелочь изменила дело сильнее, чем любой рассказ Ровера: теперь цепочка к Высокому реестру существовала в настоящем и была получена человеком, который ещё утром собирался меня арестовать.

Большого взрыва не произошло. Это было главным фактом. Я поднялась и увидела у ворот матроса, которого Ивен лечил ночью. Его звали Корр. Он помогал переносить пустые ящики и теперь стоял, прижав ладонь к боку, где под рубахой находилась старая осколочная рана.

— Ивен, — позвала я.

Хирург закончил с грузчиком и подошёл.

— Покажите старую рану.

Корр поднял рубаху. Шрам выглядел точно так же, как утром: тёмный, стянутый по краям, слишком старый для своего возраста. Не исчез. Не раскрылся. Не изменил форму, хотя событие, которое могло его породить, мы только что не дали произойти в прежнем виде. Я почувствовала, как внутри что-то становится на место.

— Запишите состояние, — сказала я Ивену. — Сравните с ночной записью.

— Уже сравниваю.

Ровер подошёл не ближе чем на два шага.

— Теперь вы понимаете.

— Я понимаю только то, что могу сформулировать. Рана является следом уже посещённой ветви. Предотвращённый здесь взрыв её не отменяет.

— Да.

— Значит, ваши видения не предписывают настоящее.

Он посмотрел на меня.

— Я этого и не утверждал.

— Иногда вы ведёте себя так, будто утверждали.

Он не ответил. Хорошо. Это был разговор не для склада и не для дыма. Даст тем временем вернулся с медной пластиной детонатора.

— Мастерская подтверждает шифр, — сказал он. — Аппарат *РМ-4* числится в закрытом регистрационном кабинете. Доступ — Верховный регистратор и два его старших техника.

— Кто выдавал конкретный контакт?

— В журнале выдачи строка закрыта нулевым доступом.

Вот и предел сегодняшнего доказательства. Шифр вёл к аппарату, которым распоряжался Сорен. Но аппарат не был человеком, а доступ к нему имели трое. Обвинить наставника только потому, что удобная цепочка наконец указала в его сторону, было бы тем самым видом следствия, которому он меня не учил.

— Этого достаточно для проверки, — сказала я. — Не для обвинения.

Даст кивнул.

— И достаточно, чтобы я не исполнял ваш ордер вслепую до конца дня. Формально вы остаётесь разыскиваемой. Практически я хочу увидеть, куда ведёт этот шифр.

— Тогда нам нужен Старый маячный фонд.

— Почему?

Я достала копию строки из серого журнала и положила рядом с пластиной детонатора. На обоих документах стоял один и тот же уровень доступа Высокого реестра. Разные дела. Разные годы. Одна закрытая дверь. И ключ к ней всё чаще оказывался в руках людей, которые работали непосредственно под Сореном.

Глава 8

Старый маячный фонд находился в западном крыле Высокого реестра и считался закрытым уже девять лет. Это не означало, что в нём никто не работал. В государственных зданиях слово «закрыт» чаще описывало доступ публики, чем отсутствие людей. К вечеру я стояла напротив бокового входа и смотрела на свежий след масла в петлях.

— Дверью пользуются, — сказала я.

Даст, оставшийся у угла переуллка, проследил за моим взглядом.

— Это всё ещё не даёт вам права входить.

— А ваш аварийный допуск?

— На оружейный склад — да. На архив капитанских ордеров — нет.

— Значит, вы здесь только затем, чтобы потом честно сказать, что меня не сопровождали.

— Я здесь затем, чтобы вы не исчезли между двумя фонарями.

Это прозвучало почти заботой, если не учитывать ордер у него во внутреннем кармане. Ровер стоял по другую сторону двери. На нём был простой тёмный плащ без капитанских знаков, но скрыть человека, который привык отдавать команды на палубе, одежда не могла. Прохожие всё равно оглядывались.

— Код из журнала откроет внутренний шкаф, — сказал он. — В прошлый раз нас сюда не пускали дальше приёмной.

— Кто «нас»?

— Меня и Мару. Двенадцать лет назад.

Он произнёс это спокойно, но соль у правого виска стала заметнее после утреннего перехода через город. Мы не использовали колокол, однако отдаление от корабля тоже имело цену. Ивен установил предел просто: если трещины уходят ниже скулы, возвращаемся на борт независимо от результата.

— Почему вы были здесь двенадцать лет назад?

— За капитанским ордером.

— Тогда начнём с этого, а не с шкафа.

Я подняла фонарь к замку. Наружная печать принадлежала архивной службе и не была нарушена. Но рядом с ней шёл узкий приливный паз для старых доверенностей. Код из серого журнала состоял не только из номера дела. Последние две цифры задавали порядок нажатия зубцов. Ровер назвал их. Я проверила дважды и только потом ввела. Замок открылся без повреждения печати.

— Красиво, — пробормотал Даст.

— Законно это не делает.

— Я и не говорил.

Внутри пахло пылью, воском и влажным камнем. Узкий коридор вёл к читальному залу, где стояли высокие шкафы с картами исчезнувших маршрутов. На столах не было пыли. В одном подсвечнике ещё оставался мягкий воск. Кто-то работал здесь сегодня. Я начала с журнала входов.

Последняя официальная запись была трёхдневной давности: старший архивист, два техника, курьер Верховного регистратора. Сегодняшних строк не было. Зато на промокательной бумаге под журналом отпечатался свежий номер кабинета — 0-4. Тот же уровень, что на детонаторе.

— Слишком удобно, — сказал Даст.

— Поэтому пока просто фиксируем.

Ровер уже нашёл шкаф с делом семнадцать. Я остановила его рукой, прежде чем он коснулся ручки.

— Сначала пломба.

Она была старая, тёмно-зелёная, с гербом маячного фонда. Края целы. Номер совпадал с журналом закрытия девятилетней давности.

— Если шкаф официально не открывали, документы внутри не должны были использоваться, — сказал Даст.

— Не должны.

Я достала тонкую проверочную нить, провела вдоль щели и увидела синий налёт на внутреннем крае.

— Приливный доступ. Шкаф открывали без снятия внешней пломбы.

Ровер смотрел на след слишком долго.

— Так открывали мой ордер.

— Вы видели?

— Нет. Но когда его выдали, внешняя пломба тоже была цела.

Я записала формулировку именно так. Не «Сорен подделал архив», не «это та же схема», а наблюдение, которое можно проверить. Код серого журнала открыл внутренний приливный замок. Первым документом оказался капитанский ордер Ровера Вейра. Дата — через три дня после исчезновения острова Вейр.

Я прочитала её ещё раз, затем место выдачи: Высокий реестр Астера. Заказчик — временная комиссия по спасению морских маршрутов. Уполномоченный регистратор — Сорен Таль.

— Он тогда уже был Верховным? — спросил Даст.

— Нет. Старшим регистратором по чрезвычайным маршрутам.

Ровер не двигался. Я перевернула страницу. Ордер предоставлял ему право проводить «Слепой меридиан» по неактуализированным маршрутам при условии сохранения капитанского колокола. Остаточная цена перехода закреплялась за держателем капитанского права. Основание — спасение экипажа после «утраты исходного островного узла». Слово «утрата» стояло там, где в обычном деле писали «гибель» или «исчезновение».

— Что произошло с островом? — спросила я.

Ровер ответил не сразу.

— Он исчез во время слепого прилива. Не затонул. Утром море было пустым. Карты ещё месяц показывали береговую линию, но туда нельзя было войти.

— Кто был на острове?

— Моя семья. Половина команды. Люди Мары.

Мара никогда не упоминала этого. Я поняла почему её первая мера любой проблемы заключалась в спасении команды. Поняла — не значит узнала её мысли. Просто получила факт, который объяснял устойчивость поведения.

— Вы обратились к Сорену?

— Да. Он предложил ордер и сказал, что через маршруты можно найти ветвь, где остров не исчез.

— Нашли?

— Несколько.

— Людей вернули?

— Нет. Живого человека нельзя закрепить как груз.

Он говорил без пафоса. От этого документы передо мной выглядели хуже. Я продолжила читать. К ордеру прилагалось условие снятия: три маршрутных якоря должны быть возвращены к исходным узлам и погашены нулевым отзывом; капитанский колокол — доставлен в Чёрный маяк для завершения регистрации. После этого остаточная запись подлежала закрытию.

— Три якоря, — сказал Даст. — Какие?

В ордере были только номера: А-1, А-2, А-3.

— И где Чёрный маяк?

— На карте его нет, — ответил Ровер. — В настоящем.

— Это вы знали двенадцать лет?

— Условие — да. Координаты якорей — нет.

— Почему не сказали раньше?

— Потому что пока у нас не было нулевой печати, знание не меняло возможности.

Ответ был рационален. Меня всё равно раздражало, что он продолжал решать, какая информация когда «меняет возможность» для меня. В следующей папке лежали маршрутные заявки последнего года. Каждая была подписана канцелярией Верховного регистратора. Не самим Сореном — его аппаратом. Но одна запись отличалась.

Курс последнего рейса был проложен не к двенадцатому причалу как к месту. Он был привязан ко времени досмотровой смены. Моей смены.

— Объясните, — сказала я.

Ровер посмотрел на строку и не стал делать вид, что не понимает.

— Я изменил финальный участок курса.

— На основании чего?

— В нескольких ветвях корабль приходил в Астер. В большинстве нас принимали другие следователи, груз уходил в Реестр, и через две недели город исчезал. В нескольких вас ставили на ночную линию.

— И что происходило там?

— Вы останавливали приём.

Даст тихо выругался за спиной. Я не отвела взгляд от Ровера.

— Вы выбрали меня, потому что видели варианты моего поведения.

— Да.

— Не потому что знали меня здесь.

— Мы не были знакомы здесь.

Слово «здесь» прозвучало слишком отчётливо.

— А где были?

Он задержал ответ.

— В одной ветви вы прожили на корабле несколько месяцев.

Мне захотелось спросить больше. Это желание было неприятнее страха: оно обещало быстрый доступ к версии себя, которая уже прошла через выборы, ещё не сделанные мной.

— Что вы оттуда использовали? — спросила я.

— Вашу профессиональную реакцию. То, что вы не принимаете запись без источника. То, что будете спорить с действительной печатью, если физический след ей противоречит.

— Ещё.

Он посмотрел на меня так, будто решал, отвечать ли. Я сразу остановила это.

— Не решайте за меня, сколько я выдержу. Я спросила о том, что вы уже использовали в настоящем.

— Я знал, что вы выберете нулевой карантин вместо стандартного ареста груза.

— Это уже хуже.

— Да.

— Потому что вы строили действие на предполагаемой моей реакции.

— Да.

Он ответил без защиты. После второго «да» мне уже не приходилось доказывать само нарушение; он его признал. Я закрыла папку.

— С этого момента новое правило. Никакая увиденная ветвь не является основанием действовать от моего имени, принимать за меня риск, обещать моё участие или считать заранее известным мой ответ. Хотите от меня решение — спрашиваете здесь.

— Понял, Элли.

Слово прозвучало почти тихо. Я замерла. Ровер тоже. Даст отвернулся к окну с выражением человека, который внезапно очень заинтересовался каменной стеной.

— Так вы меня здесь не называете, — сказала я.

— Нет.

— И не будете.

— Не буду.

— Откуда это обращение?

— Из той ветви.

Я почувствовала короткий холод под рёбрами. Не потому, что уменьшительное имя было интимным само по себе. Потому что оно пришло из жизни, на которую я не соглашалась и которой не помнила.

— Тогда оставьте его там.

Он кивнул. Я открыла следующую страницу и заставила себя вернуться к работе. В глубине дела лежал лист, который не входил в исходную опись. Бумага была моложе остальных. На ней значились три якорных номера, схема колокольной цепи и отметка Чёрного маяка. Координаты самого маяка были стёрты, но условие ордера читалось ясно: после погашения трёх якорей колокол должен быть возвращён в мастер-узел. Только тогда капитанская запись переставала удерживать маршрут.

Внизу стояла служебная отметка годичной давности. *Переход к этапу городской фиксации разрешён*. Под ней — код кабинета 0-4. Я сравнила его с детонатором и промокательной бумагой журнала. Три независимых предмета. Один закрытый регистрационный аппарат.

— Забрать лист нельзя, — сказал Даст. — Если хотите сохранить цепочку.

— Снимем копию под вашей подписью и оставим контрольную нить.

Ровер подошёл к столу ближе, но остановился до границы документов.

— Есть ещё одна запись.

Он указал на верхний угол листа. Там стояла дата первого ордера — двенадцать лет назад — и дополнительная помета мелким почерком: *Снятие возможно только после третьего якоря и возврата мастер-колокола*. Двенадцать лет Ровер носил на корабле условие собственного освобождения. И кто-то год назад перевёл это условие в этап городской фиксации.

— Теперь вы говорите мне всё, что знаете об этих трёх номерах.

— Знаю один возможный источник карты.

— Какой?

— Приливная пластина в затонувшей башне у Северной косы.

Даст поднял брови.

— Башня под водой лет сорок.

— В вашем настоящем, — сказал Ровер.

Я сразу подняла ладонь.

— Не надо. Нам достаточно факта, что пластина физически существует и может хранить старую схему. Всё остальное проверим на месте.

Ровер остановился и кивнул. Граница сработала с первого раза. Это не было доверием. Но теперь его знание будущих ветвей перестало быть скрытым преимуществом в разговоре и стало тем, чем должно было быть с самого начала: источником, который обязан пройти проверку.

Копию мы делали старым способом: тонкая бумага, графитовая прокатка по рельефу и две контрольные подписи на полях. Я держала лист левой рукой, Даст прокатывал валик, Ровер

стоял у двери и следил не за документом, а за коридором. После сегодняшнего склада у меня не было причин считать пустой архив безопаснее оружейного.

Когда на лестнице послышались шаги, Даст поднял ладонь. Мы не стали прятать листы в одежду или гасить свет. Я вернула оригинал в папку, проверила порядок страниц, закрыла внутренний замок и оставила в щели контрольную нить с нашим номером. Если шкаф откроют после нас тем же приливным доступом, нить разорвётся.

В зал вошёл пожилой архивист с ключами на цепочке. Увидев нас, он сначала побледнел, потом посмотрел на внешнюю пломбу шкафа.

— Вы не могли его открыть.

— Открыли внутренним кодом дела семнадцать, — сказала я. — Кто сегодня работал в кабинете 0-4?

— Никто. Кабинет выведен из эксплуатации.

— Когда вы видели его закрытым лично?

Архивист замаялся.

— Вчера вечером. Я сдавал крыло.

— Кто имеет приливный доступ без снятия внешних пломб?

— Верховный регистратор, главный хранитель и аварийная комиссия.

Даст записал ответ и попросил архивиста повторить фамилии должностных лиц, занимавших эти посты сегодня. Сорен оказался только одним из трёх. Это снова не позволяло обвинить его напрямую — и именно поэтому показание было ценным. Оно сужало круг, не подменяя доказательство удобством.

Архивист потребовал, чтобы мы ушли. Даст предъявил своё удостоверение и официально принял на себя сохранность сделанной копии. Я расписалась как лицо, обнаружившее документ. Ровер подписи не ставил: его присутствие зафиксировали отдельно как свидетеля собственного ордера, чтобы потом никто не мог превратить его в человека, якобы подтвердившего подлинность архива. На выходе я ещё раз посмотрела на капитанский ордер.

Три якоря. Чёрный маяк. Колокол. Свобода Ровера была записана в системе задолго до меня. Проблема состояла в том, что человек, выдавший эту систему, всё это время оставался тем же человеком, которому я собиралась предъявить результаты расследования.

Глава

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.